

Марианна Красовская
Я (НЕ)
СОГЛАСНА

Марианна Красовская

Я (не) согласна

«Автор»

2020

Красовская М.

Я (не) согласна / М. Красовская — «Автор», 2020

Стефа пусть и неправильная, а всё же принцесса, а участь принцесс - династический брак. Разумеется, упрямую Стефанию подобный расклад не устраивает. У нее другие планы на жизнь: написать книгу про бордель, к примеру, или, переодевшись в мужскую одежду, сбежать в соседнюю страну. Но всё идет к бесу, когда новый знакомый пытается затащить "мальчика" то в баню, то в кабак, а то и в аферу с долговыми бумагами... А если этот мужчина еще и хорош собой, как бедная Стефа вообще со всем этим справится?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Пролог	5
Глава 2. Одиночество	8
Глава 3. Монастырские будни	12
Глава 4. Овсянка против крылышек в меду	16
Глава 5. Дилижанс и мужские носки	19
Глава 6. О важности обуви в дороге	22
Глава 7. Почему шест?	25
Глава 8. Неожиданное предложение	28
Глава 9. Издержки мужского костюма	32
Глава 10. Серо-зеленый конверт	35
Глава 11. Развлечения	39
Глава 12. Падение... повязки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марианна Красовская

Я (не) согласна

Часть 1

Глава 1. Пролог

– В монастырь, – негромко произнес отец.

Я застыла в кресле: допрыгалась.

– Кирьян! – умоляюще воскликнула мама. – Это невозможно! Это убьет Стефанию!

– В монастырь, в пансионат Пресветлой Матери, – ровно повторяет отец. – Это не обсуждается. Можете собирать сундуки.

Мы с мамой еле слышно выдохнули. Ну, это ещё ничего. Это не навсегда. Я уж боялась, что меня в монахини постригут. Где я и где монахини? Да и выбраться из монастыря сложно: они обычно строятся в каких-нибудь пустошах или на горных вершинах. Попробуй, сбеги оттуда. А тут всего лишь пансион. Неприятно, конечно. Но это не навсегда. Может, оно и к лучшему. Если меня отошлют из столицы, то рано или поздно скандал уляжется, и все забудут этот... конфуз.

Ох, ну ладно. Попалась я совершенно глупо. Кто же знал, что лорд Стерлинг-старший – завсегдатай борделя? Да кому вообще могло в голову прийти, что он разглядит среди прислуги "новенького"? Я в доме утех госпожи Розалии три месяца подрабатывала, и никто ни разу не обратил внимания на худого горбатого мальчишку. А этому подавай с изюминкой! Одно радовалось – меня просто в пансионат сошлют, а его такой скандал в семье ждал – нескоро сплетники угомонятся.

В комнате стало ощутимо холодно, я поёжилась. Оказывается, всё это время отец не спускал с меня глаз. Наверное, предполагалось, что я склонюсь перед ним и хотя бы попрошу прощения, а я даже не сразу заметила. А что я сделаю, если я совсем не оборотень? Я ж девочка, хотя порой и сама в этом сомневаюсь. Была бы мальчиком – другой разговор. Мальчики всегда зверя отца наследуют. У меня же от папеньки только наглость. Я опустила голову, чтобы хоть как-то сделать вид, что расстроилась. Жаль, слёз выдавить не получилось, а без слёз – какое раскаяние?

Отец мной недоволен, это понятно. Пансионат – это хороший способ укрыться от его гнева. Да и вообще – новый опыт.

Мама опять плачет – она, наверное, думает, что отец позорит меня своим решением. С её точки зрения так и есть. Она ведь принцесса, дочь короля. Я, выходит, тоже принцесса. А теперь мне придется ехать в монастырь Пресветлой Матери и жить там среди сироток и дочерей простолюдинов. Мне нравится эта мысль всё больше и больше. Про высший свет я писала, про бордель – писала. Теперь будут заметки о пансионате и сиротских судьбах. Думаю, это интересно!

Отец жестом отсылает меня прочь, я почтительно приседаю в реверансе и покидаю гостиную. Мама остаётся – будет умолять и плакать. Она такая – привыкла, чтобы всё было, как она хочет. Совершенно не понимаю, для чего они с отцом вообще поженились. Ни любви, ни какой-то теплоты в их отношениях нет. За отца мне обидно. Он заслуживает чего-то большего, нежели капризную и плаксивую жену, которая не упускает случая напомнить о своём происхождении. Мне иногда хочется ей рассказать, что люди из низших слоев общества ничем не

отличаются от принцев и принцесс. У них даже кровь такого же цвета. Но, боюсь, за такие слова можно и пощёчину схлопотать.

Я с трудом вытащила из-под кровати дорожный сундук, маленький и невысокий. Если я правильно понимаю, в пансионате будет не до нарядов и драгоценностей. И особых удобств ждать не стоит. Поэтому самое главное – это тёплые шерстяные чулки, войлочные полусапожки, утеплённые штаны, нижние рубашки и шали. И конечно среди белья увесистыми стопками ложатся шесть толстых тетрадей в кожаных обложках. Мои записки.

Платьев, подумав, взяла только два и самых простых: коричневое шерстяное в клетку и синее с кружевным воротником.

Вот и всё, прощай, дворец, прощай, моя любимая комнатка. Я была здесь счастлива.

Горничная принесла ужин – ясеню, мой арест ещё в силе. В столовую меня не зовут. Не больно-то и хотелось. Куда приятнее забраться с тарелкой в кровать, зажечь под пологом маг-светильник и уткнуться в новый роман. Книга невероятно увлекательна: про леди-ловчую, которая расследует очередное преступление в столице. Подождите, леди Маргарет проникает в королевский дворец в форме горничной? Автор что, был пьян? Он вообще представляет систему безопасности? Да у нас все горничные со специальными браслетами! И снять их может только наш, дворцовый маг! Нет, учитывая характер леди-ловчей, она могла этого мага соблазнить и украсть или выпросить у него браслет... И книга стала бы только интереснее... Но на минуточку нашему магу почти девяносто. Похихикав над нестыковками, я принялась читать дальше, но уши – глаз постоянно цеплялся за глупости. Лже-горничная заигрывает с гвардейцем? Серьёзно? Уволят обоих. Сразу. Проникает в библиотеку? Да ладно! Заходит незамеченной в кабинет главы службы безопасности? Это к папочке Кирьяну что ли? Е-рун-да! Захлопнула книгу в гневе. Нет, напишут же!

Дура эта ваша леди Маргарет! Надо было переодеться в гвардейца. Мужчине легче затеряться во дворце, да и магический жетон легко снимается через голову. Нет, я бы написала гораздо лучше! И напишу когда-нибудь! Жаль, на ближайшие четыре года я буду заперта в четырёх стенах! Но мечтать-то мне никто не запретит, правда?

В дверь постучались, и я быстро вскочила с кровати, спрятала книгу под подушку и поставила пустую тарелку на столик. Вовремя! В комнату вошла её высочество матушка в сопровождении нашего лекаря, господина Цверга.

– Господин лекарь проведёт твой осмотр, Стефания, – так ласково сказала матушка, что я поняла – не к добру.

– Благодарю, я чувствую себя совершенно здоровой, – холодно ответила я.

– Тебя вчера привезли из борделя, – напомнила мать. – Ты ведь помнишь о своём супруге?

– Наречённом супруге, прошу заметить! – вспыхнула я.

– Это неважно, – отмахнулась её высочество. – Супруг уже никуда не денется... Если ты нас не опозоришь.

– Мама! – я в возмущении прижала ладони к пылающим щекам. – Мне четырнадцать!

Что ты такое говоришь!

– Я ничего не говорю, но лекарь тебя осмотрит.

– Ни за что!

– Я не спрашивала твоего согласия. Господин Цверг, прошу.

– Я проведу осмотр наедине, – строго сказал лекарь, вызывая у меня смутную благодарность. – Выйдите, ваше высочество.

– И не подумаю, – отрезала мама, скрестив руки на груди. – Приступайте.

Лекарь – невысокий пожилой мужчина с белыми пушистыми волосами – покачивая головой, подошёл ко мне и положил ладонь на плечо.

– Не волнуйтесь, леди, – тихо сказал он. – Интимный осмотр не требуется. Я же маг.

Молча, пылая ненавистью, я вытерпела унижительную процедуру. И в самом деле, ничего страшного: лекарь просто поводит руками вокруг меня – но сам факт, что мои слова подвергли сомнению!

– Миледи, без всякого сомнения, невинна! – заявил господин Цверг.

Мать коротко кивнула головой и молча удалилась, даже не потрудившись извиниться.

Господин Цверг по-доброму улыбнулся мне:

– Я знаю тебя с того момента, когда принял тебя в родах, Стефа. Ты чистая и умная девочка, хоть и взбалмошная. Ты ведь понимаешь, что без тщательного осмотра невозможно определить, девица ты или нет? Но мы никому про это не расскажем. Это будет наш маленький секрет. Удачи тебе, Стефа. Я верю в тебя!

– Спасибо.

Поддержка лекаря дала мне сил. Даже плакать перехотелось. Зато теперь меня оставят в покое, я надеюсь. Матушка уж точно не придёт, опасаясь моих криков.

Немного подождав, я вытащила из глубин шкафа мужской костюм: рубашку, бриджи, куртку. Выглядит всё потрепанным, но ткань хорошая и сидит прилично. Сама перешивала. Где нужно – вата подложена: в плечах и ниже пояса. В чулках несколько слоёв пряжи, чтобы лодыжки казались мускулистыми, а не девичьими. Быстро переоделась, волосы в специальный карман на спине спрятала, достала кошель и открыла окно, но вылезти не успела.

– Далеко собрался, сынок? – поинтересовался отец, заглянувший ко мне.

Проглотив все ругательные слова, вертящиеся на языке, я спрыгнула с подоконника и опустила голову. Вот теперь отец и ремень вправе достать. Это было самое настоящее фиаско.

Глава 2. Одиночество

Пейзажи Галлии скучны и однообразны. Ёлки, кусты, кусты, поля, ёлки. Постоялые дворы похожи один на другой: спасибо давно усопшему Иерониму II, который очень любил всё стандартизировать. Король-зануда – вот как я его называла. Он выпустил невероятное множество декретов и стандартов, которые загоняли в рамки всё на свете: и дома, и лавки, и размер окон в карете, и высоту каблучков, и бес знает что ещё. Даже улицы городов имели строго регламентированную ширину: чтобы могли разъехаться две телеги. А ширина телеги должна быть не больше, чем два лошадиных крупа – в телегу более двух животных не запрягали. Так и получается, что столичные улицы до сих пор строят, ориентируясь на ширину задницы давно подошедшей лошади.

– Выпрямись, Стефания, – одёрнула меня мать.

У меня задёргался глаз. Какого беса, матушка? Мы едем без остановок почти шесть часов! У меня всё тело будто иголками покалывает! Почему я не могу сесть, как мне удобно? Тем не менее, приходится держать спину прямо – спорить с её высочеством не каждый сможет. А если сейчас начать пререкаться – до самого монастыря мне будут читать морали. А хуже этой поездки может быть только поездка под непрерывный маменькин бубнёж. Поэтому бес с ней, с моей пятой точкой. Голова важнее.

Глаза сами собой закрывались, но расслабиться я боялась. Вдруг во сне не так сяду или слюну пушу? Маменька меня тогда совсем изведёт. А между тем, поспать бы не помешало – ночь выдалась бурная.

Вопреки моим страхам отец не стал ругаться, а напротив, вызвался сопроводить меня по моим архиважным делам. Отец вообще порой ведёт себя очень странно.

– Я понимаю, что тебе нужно попроситься с поделниками, Стефа, – сказал он. – Но я бы на твоём месте положил деньги в банк, а не отдавал в сомнительные руки.

– Как ты себе это представляешь? – удивилась я. – У меня документов нет. А в банке непременно удостоверение личности спросят. А мне, на минуточку, четырнадцать. Я до двадцати не имею права открывать счет.

– Ты меня удивляешь, – вздыхает отец. – Неужели ты не удосужилась купить липовые документы? Так нельзя, Стефа.

Я пытаюсь понять, серьёзно ли он говорит, или смеётся надо мной.

– Много у тебя накопилось?

– Двести тридцать двойных империялов, – я не хвастаю, нет, но лицо у отца вытягивается.

– Ты банк что ли ограбила? На эти деньги можно дом с садом купить!

Я скромно опускаю глаза.

– Заработала.

– В доме утех?

– В том числе.

– И каким образом, можно спросить? – к чести отца, на его лице лишь любопытство.

А матушка бы уже в обморок упала.

– Уборка. Обслуживание номеров. Подготовка листовок.

– А! – светлеет лицо отца. – Так это твои стишки!

И он продекламировал с выражением:

– В мраке ночи красным светом фонари сверкают,

Дом веселья одиноким двери открывает.

Всех, кто жаждет серых будней позабыть досаду,

Завлечёт в свои чертоги радости-отрады.

– Мои, – признаюсь я. – Не шедевр, но заплатили неплохо.

– Но не двести же империалов!

– Пап, ну давай ты не будешь мне финансовую ревизию устраивать! – взмолилась я. – Уверю, я за любую монетку могу отчитаться! И лекарь меня уже осматривал!

– Ты меня удивляешь, Стефа, – фыркнул лорд Браенг. – Ты в борделе три месяца работала. Неужели не увидела, что там женщине не обязательно даже раздеваться, чтобы заработать?

– Па-а-ап! – простонала я. – Давай закроем эту тему! Я же не могу с тобой об этом разговаривать!

– Смотреть, значит, могла, – неожиданно жёстко ответил отец. – А разговаривать мы стесняемся. Ладно, закрыли тему. Пошли положим твои деньги в банк.

– Какой банк, закрыто всё! Ночь!

– Центральный банк, Стефания. Круглосуточный.

– А у нас есть круглосуточные банки? – с удивлением спросила я, едва успевая за его широкими шагами.

– Для главы королевской службы безопасности – есть. Стефа! Ты как ходишь? Что ты семенишь? Расправь плечи, подбородок вверх. Шагай широко. Если уж берёшься изображать парня, делай это с умом! И бёдрами не раскачивай! Если ты так в борделе ходила, неудивительно, что лорд Стерлинг клюнул!

Словом, прогулка с отцом прошла весело и познавательно.

Гораздо интереснее, чем поездка с матерью и её камеристкой в одной карете. Но, как говорит мой друг Ларри, "попался ловчим – притворись мёртвым". Вот я старательно и притворялась хорошей девочкой. В конце концов, официальная версия гласит, что в борделе я была только однажды, и только среди кухонных работников.

Путешествие было мучительным. Если бы только мама позволила хоть разок пройтись пешком! Но нет, это совершенно недопустимо: леди ездят в карете и точка. На своих ногах только оборотни передвигаются, да и то оборачиваться нынче считалось в столице дурным тоном. Мы ж, оказывается, не звери. Мы ж люди. Вот только бордели у нас в полнолуния переполнены.

Если отец расстраивался, что я нисколько не оборотень, то маму печалило, что и маг я так себе. Обычно бывает: сильный зверь – мало магии. Много магии – слабый зверь. У моей кузины Виктории, которая, к слову, не кузина, а племянница, хоть и старше меня на пару лет, огненный дар ого-го какой, а переворачиваться она может только в полнолуние. А мне и здесь не повезло. Ну и ладно, не больно-то мне нужна эта магия. У меня есть мозги, а это гораздо ценнее.

Рано или поздно всё плохое заканчивается, и вот мы уже трясёмся на неровной горной дороге, а впереди – мрачный замок с подъёмным механизмом ворот. Что-то мне подсказывает, что оборотню здесь развернуться негде – наверное, стена в три человеческих роста. Это не пансионат, господа, это самая настоящая тюрьма. И бежать уже поздно.

Карета с грохотом въезжает во двор по подъёмному мосту. Копыта лошадей звонко цокают по оббитым железом доскам. Я читала историю замка Святой Елизаветы. Здесь каких-то восемьдесят лет назад окончила свою жизнь невеста мятежного принца Доминиана. Окончила, признаться, славно и куда более весело, чем жила до этого – возглавив ополчение во время войны с Франкией. Именно монашки вышли на последний бой, защищая детей со всего Предгорья, которые укрылись здесь, в замке. Вышли с вилами, лопатами, рубелями – из оружия в монастыре были лишь топоры для колки дров. И франкийцы отступили было, склонившись перед их мужеством... но командир приказал убивать всех. Тогда еще не святая, а просто безумная Елизавета, довольно сильный маг огня, видя, что солдаты колеблются, спалила командира к бесу, разумеется, погибнув сама. Маг, употребивший свою силу для убийства, погибает мучительной смертью. Франкийцы ушли. Дети остались живы. Елизавету причис-

лили к лику святых. В замке открыли сначала детский приют, затем, когда сирот больше не осталось, – пансионат для девушек.

Интересно, государство оказывает достаточно финансовой помощи этому заведению? Или, как в моих любимых романах, здесь по утрам вода для умывания покрывается ледяной корочкой, а кормят воспитанниц исключительно пшёнкой на воде?

– Леди Стефания?

А? Что? Да, выхожу. Просто ноги затекли и задница... пардон, нижняя часть спины онемела.

Почётный конвой остаётся снаружи, а наша маленькая процессия с её высочеством во главе следует в замок за послушницей в черном балахоне.

Внутри неожиданно уютно. Стены обшиты теплыми дубовыми панелями, на полу ковер, везде горят маг-светильники. Настоятельница в белой кике встречает нас с мягкой улыбкой.

– Приветствую вас в моём монастыре, госпожа Бригитта, госпожа Стефания!

А ловко она обозначила правила! Не ваше высочество, а просто «госпожа». Действительно, монастыри – такое место, где все равны. Впрочем, некоторые всё же ровнее. Как, например, настоятельница и сестры-наставницы.

– А косы придется обстричь, – неожиданно заявляет настоятельница, оглядев меня с ног до головы. – Здесь нет служанок, ухаживать за ними некому. Кроме того, такие роскошные волосы – первый шаг к греху тщеславия.

Я растерянно поворачиваюсь к матери. Как это косы обстричь? Мои косы? Они же до колен длиной, моя гордость, моя красота! Ни у кого таких нет – ну, кроме кузины Виктории.

– Это невозможно, – резко говорит мама. – Волосы останутся.

– Выход сами найдёте? – приподнимает брови настоятельница. – Надеюсь, ваша дорога обратно не будет тяжела.

Мне захотелось похлопать в ладоши. Так её высочество ещё никто не унижал.

– Возможно, до пояса, – нехотя сдаётся матушка.

– До плеч, – качает головой настоятельница. – Как у всех.

Почему-то меня крайне забавляет всё происходящее. Мне кажется, что всё это происходит не со мной. Это какой-то другой девочке сейчас обрезают волосы – с натужным скрипом ножниц; другую девочку заставляют переодеться в коричневое форменное платье и белый чепец; не меня проводят светлыми длинными коридорами в спальню с четырьмя кроватями и всего двумя шкафами.

Очнулась я уже сидящей на кровати и смотрящей в одну точку. Хоть убейте, я не помню ни как просталась с матерью, ни как принесли мой сундук – а его принесли и оставили посередине комнаты. И он был пуст – а вещи аккуратно разложены на полках. Стоп, а где мои тетради? Я вскочила и в панике заметалась по комнате, а потом взяла себя в руки и заглянула в привычное место: под стопку панталон. Там они и лежали.

В коридоре послышался гул голосов, я быстро закрыла шкаф и села обратно на кровать, сложив руки.

В комнату ввалились, толкаясь локтями, две совершенно одинаковые девочки – тоненькие как тростинки, с весёлыми кудряшками, выбивающимися из-под чепцов, с веснушками на вздернутых носках. Близняшки!

– Привет, – хором сказали они. – Ты новенькая!

Девочек звали Тьера и Элера, и они тут же всё рассказали о себе. Были они дочками торговца специями, их мать умерла несколько лет назад и отец счёл разумным отправить их в пансион учиться.

Всего здесь училось одиннадцать девиц в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Двое из них чистые оборотницы. У всех есть небольшой магический дар.

– Стефания, – сказала Тьера. – Ты сирота? Тебе нужен хороший жених? Твои родители не справляются с твоей магией? За что тебя сюда?

Я задумалась. Если я скажу правду – меня не поймут. Придется говорить... другую правду.

– У меня есть наречённый муж, и родители, опасаясь за мою невинность, решили укрыть меня в монастыре, – вздохнула я. – Не то, чтобы я давала повод... хотя, если честно, давала.

Девочки вытаращили на меня и без того огромные глаза.

– Переделась в платье кухни и под её именем поехала на маскарад, – пояснила я.

Теперь у близняшек и рты открылись. Богиня, какие они еще дети!

– Ты из высшего общества! – выдохнула Элера.

– Ты бывала на маскараде! – прижала ладошки к щекам Тьера. – Ты должна нам всё-всё рассказать! Только не сейчас – ночью.

Вот только восторженных дурочек мне и не хватало! Я чувствовала себя по сравнению с ними ворчливой матроной. Но слова уже вылетели, ничего изменить не удастся – придётся что-то рассказывать, что-то придумывать. Впрочем, я в этом мастер.

Нас позвали на ужин, где меня представили девочкам. К сожалению, полным именем.

– Это Стефания Браенг, и ближайшие четыре года она проведёт в пансионате Святой Елизаветы, – звучно произнесла хозяйка.

Двадцать два глаза смотрели на меня не моргая. Одиннадцать ртов сложились в идеальную букву "о". Спасибо, папа. Удружил так удружил. Не мог сдать меня инкогнито? Я прямо почувствовала расширяющуюся с каждой секундой пропасть между мной и остальными воспитанницами. Аристократов простые люди не любили и, признаться, совершенно заслуженно. Не думаю, что я смогу рассказать девочкам о том, как работала уборщицей и писала памфлеты. Я это делала от скуки. А они – рабочие косточки. Уверена, все успели хлебнуть лиха в своей жизни.

Кажется, это будут самые тоскливые и одинокие четыре года в моей жизни.

Глава 3. Монастырские будни

– Леди Браенг, потрудитесь объяснить, что это такое?

Настоятельница смотрела на меня строго, но не гневно. На ее столе лежали шесть тетрадей в зеленой кожаной обложке.

– Это тетради, – уныло ответила я.

– Чьи?

– Мои.

Интересно, кто меня сдал?

Интуиция не обманула: меня не просто не приняли. Меня возненавидели. Близняшки были хотя бы безобидны, всё их отношение выразалось лишь в том, что они демонстративно меня игнорировали. Кто испортил мои туфли, налив туда похлебку, так и не дознались, но скандал я устроила знатный. Отношения с девочками испортились окончательно, наказаны были все. Но своего я добилась: меня переселили в отдельную комнату. Дверь в мою спальню запиралась, и я надеялась, что мои вещи в безопасности.

Сегодня меня вызвали с урока рисования к настоятельнице. Я по-настоящему расстроилась: лучше бы это был урок чистописания или франкского языка. Писала я в любом случае красивее, чем эти пигалицы, а по-франкски говорила лучше наставницы. А вот рисование мне очень нравилось: уже давно я лелеяла мечту делать зарисовки к своим записям. И теперь какая-то завистливая сволочь сорвала мне урок. Да еще и от настоятельницы влетит. Как бы не выгнали – отец тогда с ума сойдёт. Да нет, тут не выгоняют. Просто ужина лишат или отработку назначат.

– Вы сами это писали? Или переписывали откуда-то?

– Сама, – призналась я.

– Неплохо, – кивнула настоятельница. – Хороший слог, высокая грамотность, юмор и наблюдательность. Вы очень талантливы, Стефания.

Наверное, на моем лице отразилась вся та гамма эмоций, которые я сейчас испытывала: изумление, растерянность, восторг.

– Однако речь довольно бедная и много повторов, – спустила меня на землю монахиня. – Кроме того, порой слишком зло. Мягче надо, леди Браенг. Вы присядьте. Разговор будет долгим.

Я опустилась на стул.

– Я разговаривала о вас с сёстрами-наставницами. Они считают, что уроки галлийского и франкского вам совершенно ни к чему. Почерк у вас идеальный. В этикете вы разбираетесь лучше учителя. Математика, литература, история – всё это вы освоили. Поэтому я предлагаю вам индивидуальное обучение. Славский язык – вы не знаете диалектов и пишете с ошибками. А как я поняла из разговора с вашей матушкой – славский вам необходим. Рисование – кажется, это вам по душе. Дополнительные занятия по магии вам ни к чему – ничего нового мы дать прибавить не сможем. А вот основы самозащиты – это очень важно.

Последнее было неожиданно.

– Вы ведь знаете, с чего начался пансионат? И про святую Елизавету слышали? Так вот, я считаю, что женщина должна уметь постоять за себя. Да, я знаю, что вы маг. Но в жизни могут возникнуть разные ситуации. Нужно быть готовой ко всему.

Я не верила своим ушам.

– Вы хотите сказать, – осторожно спросила я. – Что меня не только не ждёт наказание, но ещё и обучать будут индивидуально?

– А за что тебя наказывать, Стефа? – легко и свободно перешла на "ты" настоятельница. – Тетради? Ничего в них криминального нет. Вот за суп в туфлях – за это, разумеется, будет отработка. Тем более из-за твоих интриг всем девочкам влетело.

Я густо покраснела и опустила голову. А нечего было дневник вести – сама себя и выдала. Но ведь план был гениальным!

– Почерк у тебя отменный, – продолжала настоятельница. – В библиотеке есть несколько книг, с которых нужно снять копию. Вот и займёшься. Всё ясно?

– Да, госпожа настоятельница.

– Отправляйся в библиотеку. Книги уже подготовлены.

Жаль, я бы предпочла вернуться на рисование. Но делать нечего, библиотека, так библиотека. Я бывала там не раз, и это место неизменно вызывало восторг. Книг здесь было великое множество; до самых верхних полок без стремянки было не дотянуться. В основном, конечно, здесь хранились биографии святых, политических деятелей, учёных... Немало томов по теории магии, великолепная подборка по географии, ботанике, истории – как Галлии, так и других стран. Некоторые книги до того стары, что лежат под специальными стеклянными колпаками, да еще и прикованы цепью к своим столам. Хотя кто их унесёт? И, главное, куда? Здесь до ближайшего поселения полдня пути.

Книги, предложенные для переписывания, меня, мягко говоря, удивляли.

"Яды и противоядия".

"Лекарственные растения Славии".

"Судебная практика по вопросам земельных тяжб".

О богиня, а это-то мне зачем? А, впрочем, неважно. Ближайших лет мне как раз хватит, чтобы переписать эти фолианты.

Разложила листы бумаги, открыла книгу про яды и принялась читать.

Я никогда не любила одиночества. Вокруг меня всегда вертелась куча народу. Я не умела сидеть на одном месте, даже с уроков убегала. Настоятельница оказала мне огромную услугу. Я училась ограничивать свои порывы, любить тишину и концентрироваться на чём-то скучном. Хотя, признаться, книги оказались очень увлекательны. Будь у меня нечто подобное в библиотеке – я бы многое сделала по-другому.

К примеру, тот же лорд Стерлинг. Можно было просто капнуть ему в вино пару капель бездонника и он – сильный маг – уснул бы спустя пару мгновений. И не пришлось бы устраивать скандал на всю Красную улицу. А настойка розовой моршанки? Какая находка для мадам Лиссо! В малых дозах повышает сексуальное влечение, вызывает лёгкие галлюцинации, уменьшает активность. Самое оно для чрезмерно озабоченных клиентов.

На самом деле мне нравилось работать в доме утех. Очень интересные там девочки. Характерные. И у каждой – своя боль. Ни одна не подалась в профессию в поисках лёгкой жизни. Когда-нибудь я напишу книгу по их историям и назову её "Сломанный цветок".

Были в доме утех и мужчины – жаль, с ними переговоры не удалось. Были и две девочки моего возраста. Про них я тоже напишу. Я искренне хотела им помочь, но Полли вполне устраивала её жизнь, а Ани не хотела оставлять подругу. Я почти убедила её начать учиться и даже готова была заплатить школьный взнос, но ситуация поменялась. Я теперь далеко. Интересно, если я напишу ей письмо, она прочтает? Эх, надо было попросить отца заняться её судьбой.

Жизнь в монастыре тянулась, будто пряжа. Дни были однообразны и унылы. Подъём с рассветом, зарядка на свежем воздухе, завтрак, причём довольно неплохой – каша с орехами и фруктами – потом учёба. Уроки интересные, потому что в любой момент можно задать вопрос, если что-то непонятно. Да и вообще, сёстры-наставницы мне нравились. Все они были спокойные, умные, с превосходным образованием. Сначала я удивлялась, что эти женщины вообще делают в монастыре, но когда с благословения настоятельница решила написать их истории – была поражена.

Оказывается, их жизненные ситуации очень похожи на истории девочек из дома утех. Кто-то потерял родных в пожаре. Кто-то едва вырвался из брака, где муж избивал и насиловал, кто-то пережил смерть ребёнка.

А сама настоятельница никогда не была замужем – она осознанно отказалась от личной жизни, чтобы служить богине и людям.

Богиня не любит лицемерия. Она не требует от своих детей постоянных восхвалений и приношений. Она как мать – родила и выпустила нас из гнезда. Но в тяжёлой жизненной ситуации можно позвать её на помощь. Придет она или нет – неизвестно, но такие люди, как настоятельница являются её руками на земле.

Не сразу я решилась рассказать настоятельнице про Ани – девочку из борделя. Не раздумывая, женщина согласилась мне помочь и лично съездить к мадам Лиссо, как только представится оказия. Своего транспорта в монастыре не было.

Всё здесь было устроено так, чтобы при необходимости пережить даже длительную осаду: монахини учились на ошибках своих предков. На территории монастыря был разбит большой огород и фруктовый сад. В подвалах хранились мешки с мукой и крупами, в сараях хрюкали свиньи, мычали коровы и кудахтали куры.

Монахинь было много – куда больше, чем воспитанниц. Сёстры-наставницы, как самые образованные, занимались финансовыми вопросами, вели переписку с разными людьми, пополняли библиотечные фонды. Если бы не беседы с ними, я бы точно померла со скуки.

Четыре года тянулись так долго, что я забыла, что где-то есть другая жизнь: балы, суета и мужчины. Особенно мужчины. Жизнь в женском царстве завораживала.

Если подняться на верхний этаж башни, можно разглядеть на востоке замок Нефф. Впервые увидев его, я испытала восторг. Для меня он стал якорем. Пока я вижу его серую башню – мир вокруг меня не исчез. Этот замок испокон веков принадлежал нашей семье. Его построили мои предки. Сейчас там живёт моя родственница Милослава Оберлинг. С её дочерью Викторией мы были довольно дружны в прошлом, хотя она немного старше меня. Пожалуй, она единственная, кого я вообще могу назвать подругой.

***

Отрывок из дневника Стефаниш

Мне отчаянно хотелось попасть на бал. В конце концов, я должна уметь танцевать – я же принцесса! А танцы в пустом зале с учителем – это совершенно не то. К сожалению, девушкам позволялось посещать королевские балы только с шестнадцати лет – ужасная несправедливость, учитывая, что в соседней Франкии в этом возрасте девиц выдавали замуж. Мне четырнадцать, но выгляжу я старше. Я высокая, и грудь у меня уже выросла почти как у матери. Впрочем, её высочество это скорее раздражало, чем радовало: было件нятно, что я уродилась не в её породу. Хрупкой миниатюрной леди мне не быть никогда. Я Браенг – дочь проклятого рода, потомок того самого Себастьяна Браенга, который поддержал мятежного принца Доминиана. Впрочем, история там была настолько мутная, что я порой думаю, не в извинение ли перед родом Браенг к отцу такие милости?

Королевский дворец украшен цветами и шёлковыми лентами. В огромном балльном зале расставляют столы. Весенний праздник – самое значимое событие года, открытие сезона. Меня гложет отчаянная зависть к тем, кто будет здесь танцевать, а особенно – к кузине Виктории. Почему ей можно, а мне нет? Ну да, ей уже девятнадцать. Но я не считаю, что она мы так уж и отличаемся. Да мы вообще с ней очень похожи, разве что глаза разного цвета. А если... если... Ведь никто не узнает?

Матушка была у кузины вчера и с восторгом описывала её новое платье – из жемчужного атласа с голубым поясом. Она же называла и портниху – разумеется, одну из самых лучших в столице. Решение пришло мгновенно: если я буду в том же наряде, что и кузина,

никто не различит нас. Глупые люди увидят только наряд и, разумеется, волосы. Вторых таких кос в Льене ни у кого нет. А остальное скроет маска.

Портниху оказалось не так уж и сложно уговорить – аргументов у меня звякало в поясной сумке немало. Проникнуть на бал – и того легче: вход для прислуги никто не охранял. Виктория танцевала в одном конце, а я в другом. Впрочем, это оказалось не так весело, как я думала: несмотря на открытые окна, было душно, сильно пахло духами и звериным потом – оборотни жс. Я выскочила было на балкон и обомлела. Я – а точнее Виктория, но абсолютно такая же, как я – целовалась там с мужчиной, который не был ни её женихом, ни даже свободным лордом. Несмотря на маску, я мгновенно узнала его величество. Это было слишком даже для меня, но, видимо, не для моей кузины. Ой, что теперь будет!

***

Не понимаю: я всего лишь работала в доме утех, а Ви – завела роман с моим дядюшкой, королём Галлии. А в монастырь сослали меня, а не её. Это как-то нечестно. Хотя, впрочем, она достигла брачного возраста и её участь, может быть, была даже печальней моей.

Во всяком случае, приезжающие навестить меня родители отводили глаза и ни разу не дали внятного ответа, как она поживает. Я могла только надеяться, что она жива и невредима, даже включила её в свои молитвы. Всё равно воскресные службы были обязательны для всех учениц – о ком же мне ещё молиться?

Уж точно не о моём наречённом муже!

Отчего так бывает? Я хочу быть самостоятельной, независимой женщиной. Хочу писать книги, жить в собственном доме и сама выбирать судьбу. Мой дядюшка, король Эстебан III, и отец – глава службы безопасности Галлии, много лет разрабатывают декреты, выводящие женщин в люди. А я, их близкая родственница, не имею совершенно никаких прав. Любая простолюдинка свободнее меня. У меня никогда не будет шанса открыть свою лавку, продать книгу, писать статьи для Льенского Вестника, наконец. Да что там, я даже не могу выбрать, где я буду жить.

Меня буквально продали в рабство, заключив со Славией брачный договор. У славского государя двое сыновей. Я же единственная девушка в семье галлийского короля. Я отдана старшему. Когда-нибудь мой сын станет следующим славским государем. И это если не случится ничего непредвиденного. Дай богиня здоровья и крепости государю Велеславу – пусть он правит долго. Быть королевой – государыней – истинное проклятье. Достаточно взглянуть на жену Эстебана. У них тоже договорной брак. Она – принцесса из Франкии. Никакой любви там нет и в помине. У неё есть любовники. Эстебан пока ни в чём подобном не замечен. Во всяком случае, единственную интрижку он позволил себе завести с Викторией, да и ту сам же и прервал, посчитав, что не вправе ломать девчонке жизнь. Бедняга.

В королевской семье нет места любви. И я не жду ничего хорошего от своего будущего.

Глава 4. Овсянка против крылышек в меду

– Выше, Стефа, выше! Держи спину! Не опускай палку!

Да куда уж выше-то, я ж не лошадь так скакать! Вслух я, разумеется, ничего не говорю – за такое и палкой по затылку получить легко. Сестра Мария не поглядит на мой статус. Самые ненавистные мне – и всем остальным девочкам – уроки. Самозащита. Хотя какая там самозащита – это просто унижительное избиение. Если бы я не знала сестру Марию так хорошо, то подумала бы, что она получает удовольствие, стуча нам палкой по шеям и ногам.

На этих занятиях все равны. Рядом со мной прыгает – надо признать, гораздо изящнее, чем я – Летта Ханбург. Она оборотень из довольно знатного, хоть и нищего рода. Оборотням хорошо, они сильнее обычных людей. Мы с Леттой могли бы стать подругами, если бы она не была такой зазнайкой. Именно она была здесь заводилой. Летта – круглая сирота. Её родители умерли от лихорадки, а опекуны, недолго думая, запихали её в монастырь. Мне было бы её жалко, если б не постоянные каверзы с её стороны. Вот и сейчас она, неплохой маг воды, ухитрилась собрать мне под ногами лужицу, на которой я, разумеется, поскользнулась и грохнулась на спину.

– Госпожа Виолетта, три дня отработки на кухне! – раздался гневный голос сестры Марии. – Тьера, Элера! Помогите Стефе подняться и проводите до её комнаты. Чуть позже её осмотрит лекарь. Остальные взяли палки и выпрямили спины! Прыжок!

Есть справедливость, есть! Отработка на кухне – самое суровое наказание для знатных девочек. Я там пару раз бывала – это действительно ужасно. Чистка картошки, мытьё горы посуды, ощипывание куриц – бррр. А вот для девочек из простых семей кухня – это родной дом. Их гораздо более страшит библиотека.

Тьера и Элера с готовностью складывают палки и подхватывают меня под руки. Спина, конечно, болит, но терпимо. Позвоночник не сломан, это факт. Близняшки стараются быть аккуратными и идти в ногу, хотя могли бы и уронить меня пару раз. Летта бы непременно воспользовалась ситуацией.

За четыре года обучения ко мне привыкли. Тем более, двоих отправили домой, двоих новых привезли. Одна из них как раз Летта – младше меня на год, а такое ощущение, что она сущий ребёнок. Мне даже ей мстить не хочется – лениво. Тем более, что ни говори – положение у меня привилегированное. На половину уроков не хожу, занимаюсь индивидуально, да ещё бывает, что при отсутствии сестры Гортензии веду урок франкского. Ну как веду: книжки читаю вслух и вопросы задаю. Большую часть времени провожу в библиотеке, теперь переписывая славский "Придворный кодекс". Практикуюсь в языке, так сказать.

Будущего я жду с ужасом и волнением, нарастающим с каждым днём. Мне скоро восемнадцать – а это значит, что моя жизнь изменится просто кардинально. От отца уже пришло очередное письмо – он просил собирать вещи. Я ловлю себя на мысли, что начинаю его ненавидеть. Как же так, зачем сразу замуж? Почему мне просто нельзя пожить хоть чуть-чуть так, как я хочу? Хотя бы два года – я ж по галлийским меркам несовершеннолетняя! Хотя в Славии уже взрослая, да. И всё равно – отец долго не женился! Так отчего же ко мне он так жесток? Неужели я гожусь только на то, чтобы стать красивой игрушкой при славском дворе и потом родить ребёнка государеву сыну? Никакой другой функции, увы, мне выполнять не позволят. Стать такой, как мама – вот что меня пугало больше всего. Принцессы должны быть всегда сдержаны, приветливы и прелестны. Они не шляют по улицам с беспризорниками, не работают – вышивка и балы не в счёт, не дерутся и не ругаются. Но самое страшное – принцессы не бывают в одиночестве. Рядом с ними всегда кто-то есть: служанки, фрейлины, подружки. Все их действия предусмотрены церемониалом; они ничего не могут выбрать – ни платье, ни

меня на ужин, ни супруга. Я не удивлюсь, если даже постельные утехи должны происходить по строгому сценарию, не меняющемуся сотню лет.

Адская жизнь.

А я хочу быть ловчим. Или журналистом. Или писателем. Совершенно точно в мои планы не входит становиться декоративным украшением славского двора.

Королевский дворец – самое ужасное место для жизни. Я там всю жизнь прожила, я знаю!

Мне, признаться, очень жалко Эстебана. Он хороший король, правда. Но как человек слишком строг к себе. Он – человек, заковавший себя в панцирь. На каждый шаг у него есть сценарий, на каждую ситуацию – правило. С женой у него всё сложно: она – франкская принцесса, воспитанная совсем в других традициях. При всей своей возвышенной красоте франкский двор известен развратом; там супружеская верность не принята, даже считается дурным тоном. Там дамские платья подчёркивают все прелести, нижнее бельё не надевается из соображений практичности – слишком часто его снимают. Попав в холодную не только по климатическим условиям Галлию, принцесса пришла в отчаяние. Эстебан на самом деле – монах и моралист. От своей супруги он ждал верности и преданности больше, нежели любви. Всё это не могло закончиться хорошо – и не закончилось. Отец так никогда и не признался, действительно ли юную королеву застали с любовником, или это были лишь невинные объятия, но Эстебан не простил. Он сам до сих пор не позволял себе любовниц. Единственный случай был связан с моей кузиной Викторией – он влюбился в неё по-настоящему, но даже в этом случае сам разорвал отношения, вынудив родителей кузины увезти её из Галлии. Как можно дальше. С глаз долой, из сердца вон.

Мать при очередном визите проговорила, что Виктория вышла замуж в Славии как-то очень стремительно, и это убедило сплетников, что никакого романа у неё с королём не было. Но я-то, будучи прямым участником тех событий, точно знала: был роман. Главное, что матушка ни о чём не узнала. И мою роль во всем этом безобразии удалось скрыть, как ни удивительно. А иначе бы уехала я в монастырь на несколько месяцев раньше.

Славное было время!

Интересно, смогу ли я сбежать? Из монастыря, ясное дело, невозможно – горы кругом, пешком далеко не уйду. А вот по дороге домой... И, главное, куда бежать-то? Во Франкию или в Славия? Славия ближе, а во Франкии безопаснее – там отец меня долго не сможет найти. Может быть, даже год. Больше-то вряд ли. Кирьян Браенг – один из лучших Охотников Галлии, от него не спрятаться.

Ни в чём не уверенная, я всё же подготовила мужской костюм. Я брала его с собой, спрятав под двойным дном сундука. Он был почти впору, только рукава рубашки теперь едва прикрывают локти, да брюки облегают бёдра, а раньше были довольно свободные. А то, что коротки – в сапогах не заметно.

За мной прислали карету вечером: всё, как я и рассчитывала. Отец слишком занят, чтобы забрать меня лично, а мать не стала утруждаться. Её, наверное, можно понять: дорога нелёгкая, а в горах и вовсе труднопроходимая. Растрясёт все внутренности. Я и не ждала, что она придет: за четыре последних года она приезжала ко мне ровно четыре раза – в день моего рождения. Тётя Милослава и то навещала меня чаще, а уж отец бывал в монастыре едва ли не раз в месяц. Один раз даже королева приехала, тётушка Эллисия. Мы с ней были друг к другу равнодушны, поддерживая вежливый нейтралитет. Но в день шестнадцатилетия она привезла мне подарки: во Франкии девушки в этом возрасте становятся совершеннолетними. На самом деле мне было очень приятно её внимание, особенно учитывая, что подарок она вручила весьма практичный – красивый кошель, в котором приятно звенели новенькие золотые монетки. Благодаря тётушке Эллисии у меня теперь имелся стартовый капитал. Мама, к слову, на все дни рождения дарила мне драгоценности – не спорю, красивые и дорогие, но совершенно не прак-

тичные. Носить их в монастыре не положено, продать выгодно не выйдет. Отец и вовсе ничего не дарил, обещав придумать что-нибудь позже.

Карету сопровождали два охранника: дюжие молодцы, принявшиеся сразу строить глазки провожающим меня монахиням. Это люди матери – ничего удивительного. Отцовские такого не позволяют. Я надела брюки и сапоги под длинную плотную юбку. Поверх рубашки натянула корсаж и пелерину до пояса. Выглядит, наверное, нелепо, особенно если учесть, что в Галлии какое-нибудь, а лето, но зато так легко скинуть лишнее!

Мой полупустой сундук закинули в багажный ящик, меня закинули в карету, и мы тронулись. Мне жаль прощаться с настоятельницей и сёстрами-наставницами. Они все прекрасные женщины, я горжусь знакомством с ними. Но монастырь я покидаю с лёгким сердцем: за четыре года он мне опостылел, как... как овсяная каша на воде по утрам! Вроде бы съедобно, полезно, хорошо для кожи лица и фигуры, но я её ненавижу! Хочу омлета! Пышного, белого, ароматного, с кусочком помидора и зелёным горошком!

В животе громко заурчало, а рот даже от воображаемого омлета наполнился слюной. Я высунулась в окно и окликнула охранника:

– Любезный, а на обед остановка будет?

– А нужно? – широко улыбнулся весьма привлекательный молодой человек в синей с золотом форме королевского гвардейца.

– Вы знаете, что на завтрак в монастыре? – полюбопытствовала я. – Овсянка! Каждый день! Из года в год! Овсянка!

– Ваша светлость, вы героиня! – приподнял широкополую шляпу с пером гвардеец. – Я бы помер, если бы меня каждый день пичкали кашей. Мы остановимся у первого же приличного трактира!

Я довольно откинулась на сиденье.

Трактир! Мясо! А если очень повезёт – и что-нибудь сладкое. Пудинг, к примеру, политый вареньем... или ватрушка... или даже имбирный пряник! А где-то на свете есть засахаренные орехи, яблоки с мёдом и корицей, настоящие пирожные с кофе и, о чудо, даже конфеты! А в Славии пекут блинчики... Решено! Бегу в Славию, к блинчикам. Во Франкии всякую гадость едят: улиток, моллюсков и даже лягушек и змей. Я там с голоду загнусь.

Я позволила себе размятаться. Кролик! Тушёный кролик! Горячий белый хлеб с хрустящей корочкой! Ореховый крем-суп! Нежная морская рыба в грибном соусе! Пирог с олениной! И колбаса, конечно же, колбаса! В монастыре кормили довольно обильно, но очень просто. Мясо или птицу давали лишь два дня в неделю. Рыбы вовсе не было – откуда ей в горах взяться? До реки далеко, да и кто ловить будет? Тем более, столько, чтобы накормить всех учениц и послушниц! Овощи, хлеб, салаты и супы, иногда орехи и фрукты – вот и весь рацион. Никаких изысков, вроде морских гадюк или запечённых в сдобном тесте рябчиков никто никогда не предлагал.

Мечты о еде скрасили мой путь. В трактир – весьма неплохой, кстати – я бежала едва ли не быстрее весело переглядывающихся охранников. Не желая выглядеть невоспитанной, я умылась, чинно уселась на лавку, улыбнулась подошедшему хозяину и немедля заказала крылышки в меду, хлеба и ягодного взвара. Какая разница, что будет завтра, если сегодня передо мной острые и нежные, похрустывающие на зубах куриные крылышки?

Глава 5. Дилижанс и мужские носки

Я сижу в придорожном трактире, мрачно притопывая ногой. Какого беса, Ларри? Какой важной птицей стал этот мальчик, раз позволяет себе опаздывать почти на час? Я не боюсь, вернее, почти не боюсь. В мужской одежде спокойно. Кроме того, я прекрасно знаю, что человек за стойкой работает на службу безопасности Галлии. Стоит мне выкрикнуть своё имя – и никто не посмеет больше меня тронуть. Правда, тут же вежливо, но твердо сопровождают к отцу.

Вообще-то тут довольно прилично: люди тихо разговаривают, не ругаются и не скандалят, подавальщиц не задирают. Да уже один факт, что еду разносят женщины средних лет, а не здоровые мужики или разбитные девицы с оголенной до неприличия грудью, говорит о высоком статусе заведения. Да, трактир. Не ресторан. Темно, ибо окна не мыты с того дня, как их вставили, пыль в углах, ноги прилипают к полу. Но столы чистые, тётки их постоянно протирают, посуда приличная, даже не шербатая и ложки металлические. А это уже почти роскошь.

В основном здесь околачивается люд победнее. Не торговцы и не лорды, а крестьяне и обычные горожане. Кроме того, тут воду и хлеб дают бесплатно к любому заказу. Вот я и прихлёбываю... воду из деревянной чашки. Хорошая, между прочим, вода, свежая.

Наконец за мой столик опускается человек, которого я жду. На самом деле я бы его даже не узнала, если бы встретила в толпе – так он изменился за четыре года. А даже если бы узнала – ни за что бы не стала иметь с ним дела. Я помнила худенького мальчика с белыми кудрями, а сейчас передо мной бледный красноглазый тип с хмурым выражением лица. Единственное, что не изменилось – белые волосы, теперь завязанные в хвост.

– Ты вообще не выросла, рыбака, – говорит Ларри. – Где обещанные округлости и стати? Где твои роскошные косы?

– Косы пришлось отрезать, – ответила я, размышляя, а не позвать ли мне хозяина прямо сейчас. – А стати... питалась скудно. Папаша в монастырь запер. Думал, там дурь из меня выбьют.

– И как, выбили? – сочувственно спросил Ларри, наверное, нисколько мне не веря.

– Сам же видишь, что нет.

– От чего бежишь, рыба моя?

Рыбой меня прозвали за постоянную болтовню. Было время, когда мой рот не закрывался ни на минуту. Почему-то от старого прозвища и внимательного взгляда этого незнакомого мне мужчины потеплело в груди.

– Видишь ли, Ларри... Отец меня просватал. Вот только не начинай, что место женщины – на кухне! Замуж – это не для меня.

– Отчего же? – вздохнул Ларри. – Хочешь, я на тебе женюсь? И позволю делать всё, что ты захочешь? И книжки пиши, и памфлеты свои. Без проблем, детка.

Я икнула от удивления. Это что, мне сейчас предложение сделали?

– Вынуждена тебе отказать, мой опасный друг, – осторожно ответила я. – Это слишком щедро для маленькой рыбки.

– И слишком глупо для единственной дочки Кирьяна Браенга, верно?

Я едва удержалась от вскрика. Он знает. Что теперь? Сдаст отцу? Возьмет в заложники?

– Не смотри так испуганно, девочка. Таких кос ни у кого в столице не было. Не буду я тебя жрать, не бойся. Ты мою сестру из борделя вытащила. За ней монашка приезжала, выкуп внесла. Я знаю – твоих рук дело. Я твой должник. Что тебе, подорожную нужно? Я готов.

– Подорожную, – кивнула я. – И рекомендации.

– Извиняй, до Славии у меня руки пока не дошли. Бумаги есть, через границу тебя выпустят, а дальше сама вертись. Ну, ты грамотная, справишься. Вот.

Он положил передо мной на стол подорожную, оформленную честь по чести, даже с гербовой печатью: на Степана Кирилловича Градова, сына однодворца из волости кнеса Градского.

– Имя выбрал наиболее близкое, чтобы ты не путалась. Фамилию... ну фамилия как у бастарда Градского. Если вдруг что – пригодится и это. Опять же, кнес Градский тебе родня, его дочка твоя какая-то там родственница. Не слишком близкая, но сослаться можно. Такими знакомствами не разбрасываются. И вот ещё на всякий случай.

Он выложил передо мной в столбик с десяток двойных империалов.

– Убери, – попросила я. – Во-первых, у меня есть деньги в банке, и немало. Во-вторых, грабанут меня как пить дать с таким богатством. А в-третьих – что я с золотом делать буду? Если серебра и меди дашь – буду благодарна.

– Эх, богатая девочка, – хмыкнул Ларри. – А ведь я пытался тебя впечатлить. Но ты, как всегда, права. В дороге медь нужнее будет.

– Спасибо, – я взяла предложенный кошель – самый простой, кожаный, со шнурком – и взвесила на ладони. Неплохо.

– Послушай, рыбка, – тихо сказал Ларри. – Может, плюнешь на всё и вернёшься к папочке? Ну выдаст он тебя замуж, вдруг понравится, а? Зачем ты убегаешь от судьбы?

– Судьбы не существует, Ларри, – твердо сказала я, поднимаясь. – Мы сами строим свою жизнь. Пойдем, у меня через час дилижанс.

– А как ты купила место без подорожной?

– Взял и купил, – пожалала я плечами, перевоплощаясь (как я надеялась) в парня. – Я говорил, что золота у меня достаточно. В крайнем случае, не явился бы один пассажир – кто бы его искать стал?

***

Убежать от охранников получилось на удивление легко: настолько легко, что это даже вызывало подозрения. Я просто ночью вылезла из окна комнаты постоялого двора, украла лошадь на конюшне и, сверившись с картой, которую я перерисовала с атласа еще в монастыре, отправилась в сторону Славии.

Сбежала я, разумеется, не сразу. Первые три дня я вела себя как настоящая принцесса: немного манерно, но вежливо и в меру приветливо. Повизжала при виде мышки на постоялом дворе, посетовала, что боюсь лошадей, покочетничала с охранниками (к слову, приятными простыми парнями) – в общем, создала впечатление воспитанной и недалёкой девушки. Неопытные гвардейцы расслабились – сами виноваты. Не крестьянку, чай, везут, а дочку Кирияна Браенга. Надо думать, что всё может быть сложнее, чем кажется.

У меня впереди была целая ночь, за которую нужно добраться до ближайшего города. Раньше утра меня, я надеялась, не хватятся: охранники будут крепко спать. Я же выпалась в дороге, в карете. В первой же деревне купила лошадь – уже в мужском платье. В темноте, надеюсь, меня не разглядели. Своего коня выпустила возле реки, юбку утопила, пелерину разовала на несколько частей и один из обрывков нацепила на ветку ивового куста. Конечно, на такой трюк только дурачок купится, но проверить всё равно придётся. Время потеряют однозначно.

Оставалось только добраться до города и отправить послание старому другу. А уж затеряться среди людей (и оборотней) я сумела без труда.

***

Я никогда не боялась ни грязи, ни лишений. Я совершенно спокойно заходила в лачуги, кишасшие тараканами и крысами, безбоязненно шаталась по темным переулкам, смело подавала руку нищему и не брезговала убирать постельное бельё в доме утех. Но дилижанс! О, дилижанс – это что-то отвратительное! Мне не повезло с попутчиками и временем года. Для Галлии стояли на удивление тёплые дни. Терпкий запах мужского пота разъедал мой чувствительный нос, а потом, когда трое из попутчиков скинули ботинки, я поняла, что здорово пере-

оценила свою выносливость. Путь до ближайшей остановки я проделала, уткнувшись в рукав и борясь с тошнотой.

Раньше я думала, что трёхчасовые проповеди сестры Аделаиды о чистоте духа и тела – мучение. Я ошибалась.

– Как хотите, а я с вами, – заявила я на привале, залезая на крышу к кучеру.

– Не положено, – отмахнулся кучер, но я сунула ему в руку пару серебряшек.

– Я впервые путешествую, – кротко улыбнулась я. – Из окон ничего не видно.

– Грохнешься ведь, а мне потом отвечать, – неуверенно пробормотал кучер.

– Там три горожанина обувь сняли, – шёпотом пояснила я. – Я сдохну внутри. Пожалуйста, дяденька!

Кучер хохотнул, но кивнул благосклонно. Я крепко держалась за металлические скобы, но меня так мотало из стороны в сторону, что руки онемели. Всё это мне не нравилось, и приходилось постоянно говорить себе, что это мой выбор.

"Или замуж, или дилижанс" – мысленно напомнила я себе, и сразу же полегчало.

А если б я ехала почтовой каретой – мой путь занял бы всего пару дней. Почтовая служба берет пассажиров – одного, очень редко двух. За хорошие деньги, разумеется. Едут они без остановок: только лошади и кучеры меняются. Никаких ночёвок. Ехать так тяжело, но очень быстро. Но неизвестные мальчишки не ездят почтовыми каретами. Они и дилижансами не ездят, особенно если им еще двадцати лет нет. В Славии совершеннолетие наступает в двадцать. Мне же по бумагам едва стукнуло шестнадцать, и я круглый сирота.

Что я делал в Галлии? Учился. Отец единственного сына счёл нужным отправить. Год всего учился, а потом пришла весть, что родитель мой скончался. Вот, возвращаюсь домой, вступать в наследство, пока есть во что вступать.

Худо-бедно отбившись от служащего на заставе, который прикопался к указанному в подорожной возрасту (большой писать не было смысла: борода у меня не росла и голос тонкий), залезла-таки в карету и попыталась дремать, но моя нежная натура долго не выдержала. Ради меня остановили дилижанс, и "малохольного вьюношу" долго тошнило в кустах. На постоялом дворе я со своими попутчиками распрощалась. Границу проехала и ладно. Дальше как-нибудь сама. Сам.

Глава 6. О важности обуви в дороге

Постоялый двор Славии отличается от трактира по ту сторону границы только одним: здесь нет людей Кирьяна Браенга. А может и есть, но я их не знаю. Я никак не могу придумать, куда мне двигаться дальше – в столицу что ли? Поглядеть на своего «мужа»? Сколько я смогу жить под чужой личиной?

Надо было думать об этом раньше. В Галлии женщина (не я, конечно) может спокойно существовать самостоятельно, независимо ни от кого. В Славии – вряд ли. У меня возникает мысль разыскать Викторию – возможно, она чем-то мне поможет. У Виктории, как и у меня, дурной нрав и лихой характер. Не так уж это и сложно – она не какая-то там крестьянка, а значит, и супруг у неё человек достойный. Наверное, кнесс какой-нибудь, как дед. Зная Ви, я совершенно уверена, что муж ей не возразит – она, поди-ка, вертит им как хочет. А попробуй её переупрямить – оборотня, да ещё огневицу. Они ж, маги огня, бешеные просто, а Оберлинги и вовсе славились своим буйным норовом.

Но прятаться в доме Виктории – затея, лишённая смысла. Уверена, отец именно там и будет меня искать в первую очередь. Не вариант. Хотя найти Ви всё же стоит – кто знает, с чем мне придётся столкнуться? Да и денег у неё можно занять в случае нужды. Итак, для начала доеду до волости кнеса Градского. Должна же быть у меня цель?

А потом – я грамотная, с хорошими манерами и воспитанием. Я могу быть чьей-то гувернанткой или компаньонкой. Для этого нужна самая малость – рекомендательные письма. Подделать их совершенно не сложно. А ещё можно попробовать писать статьи в газету: раньше у меня их охотно покупали. Итак, решено: отправляюсь в Даньск (ближайший, судя по карте, крупный город), а оттуда – к южным границам.

Не в силах усидеть на месте, я отправляюсь в путь прямо сейчас. Ночевать в поле гораздо спокойнее, чем на сомнительном постоялом дворе, где и мест-то нет – во всяком случае, мне так кажется. Однако я не настолько отчаялась: в первой же деревне за пару монет я нахожу ночлег в сарае для сена. Полная румяная хозяйка даже угощает меня свежим хлебом и сливками. Что мне гостиницы и перины, если мягче сена и слаще неба, проглядывающего в щели между досками, ничего в жизни я не видела?

Милостивая женщина принесла мне одеяло. Я не слишком доверяю чужой доброте, памятуя слова отца про бесплатный сыр. Женщина ещё не старая, я бы сказала – моложавая. Она круглолица и круглобока, а довольно глубокий вырез на блузке рассказывает, что хозяйка сочных персей далеко не монашка. Меня это несколько пугает – не разглядела ли она во мне мужчину? На всякий случай я рассказываю сказку о невесте, ждущей меня дома и о нашей крепкой любви с раннего детства. Лучше подстраховаться. Хозяйка в ответ рассказывает мне о своей дочке, недавно вышедшей замуж, и о покойном муже. Мы друг друга поняли правильно.

Утром ноги вновь несут меня вперёд. Я не тороплюсь: поля и просторы Славии меня завораживают, а найденная рядом с дорогой земляничная поляна и вовсе приводит в восторг. Но моего энтузиазма хватает ненадолго. Через пару часов я начинаю тяжело дышать. К вечеру валюсь с ног от усталости, не в силах сделать ни шага больше. Наутро у меня заканчивается еда, ноги и спину ломит, шея не поворачивается. У меня удобнейшие, мягчайшие сапоги. Казалось бы, иди да иди, но нет. Всё равно мозоли вздулись. Были сапоги, впрочем.

– Молодой человек! – раздался у меня за спиной вежливый негромкий голос. – Не желаете ли внести посильное пожертвование в фонд ветеранов войны с Галлией?

Невинный вопрос застиг меня врасплох. Я как раз пыталась найти в мешке последний сухарь. Отчего-то в пути постоянно хочется что-то жевать, и если воды здесь достаточно – кругом ручьи и речушки, а вдоль дороги и колодцы выкопаны, то с едой всё гораздо печальнее. В лесу ягод и грибов ещё нет, да и заходить я туда побаиваюсь. Когда намеревалась собирать земля-

нику, едва не наступила на змею. Орала я так, что всех птиц распугала. Из книги про животный мир Славии я точно помню, что начало лета – самое вольготное время для змей. Они в эти дни к тому же особенно ядовиты. А я ведь собиралась купить провизии у проезжающих мимо торговцев... Интуиция мне подсказывает, что теперь я ничего не куплю. Возможно, мне и не нужно будет.

Я медленно и осторожно оглядываюсь, стараясь не делать лишних движений. Желаящих получить пожертвование слишком много для меня одной – целых восемь человек. Их оружие мне совершенно не нравится: уж слишком ржавые эти пики и алебарды. Они не одну войну с Галлией видали, кажется. Спокойно, Стефа! Если бы местные сборщики налогов хотели тебя пристукнуть, они бы уже это сделали. Лучше не сопротивляться. Да и что я могу им противопоставить? Подуть на них ветерком? Расклад не в мою пользу.

– И какая нынче налоговая ставка? – поинтересовалась я, роняя мешок и поднимая руки ладонями вперёд.

– Всё, что у тебя есть, малец, – довольно добродушно сообщил мне заросший бородой здоровяк с кривыми зубами.

– И сапоги, – дополнил один из разбойников.

Я невольно поглядела на их ноги – трое были босы.

– Зачем вам сапоги, тем более такие маленькие? – растерянно спросила я. – Они ж никому не подойдут!

– А зачем тебе двенадцать пар рёбер и сразу две здоровые руки? – ласково спросил главарь, будто невзначай опуская на мое плечо тяжёлую пику так, чтобы она задела щеку.

Я скосила глаза: оружие было совершенно тупое, но от того не выглядело менее опасным. Пришлось снимать сапоги, хотя их было жалко едва ли не до слёз. Руки у меня тряслись, и стащить сшитую по ноге обувь было нелегко. Я радовалась уже тому, что меня никто не торопил – а могли бы. Эх, жаль, что я не некромант какой-нибудь и не могу всерьёз причинить вреда этим подонкам!

Тем временем мои новые знакомые выпотрошили мой мешок и нашли не только кошель и последний сухарь, но и дорожные бумаги. Я молча наблюдала, как мою еду втоптали в пыль, деньги пересчитали и посетовали, что серебрушек было мало. Запасную рубашку даже не стали переключивать: забрали вместе с мешком.

– Степан Кириллович, вы только подумайте! – глумливо заявил наиболее грамотный разбойник, изучая мои бумаги. – Такой хухря и Степан!

А потом он ухватил мои единственные документы своими грязными пальцами и разорвал их напополам. И ещё раз напополам. И ещё – до тех пор, пока от них не осталось мелких клочков, разлетевшихся по дороге. Я глубоко дышу и считаю про себя до десяти, а потом и до тридцати. Это всего лишь бумаги, тем более фальшивые! Чтобы хоть как-то сдержать своё праведное негодование, я старательно запоминаю приметы разбойников: заявлю на них в полицию, а ещё (когда-нибудь потом) отпишусь отцу. Будут знать, как леди Браенг грабить!

– Ничего сказать не хочешь? – угрожающе ухмыляется кривоzubый главарь.

– Премного благодарен, господа, – вежливо склонила голову я, надеясь, что в голосе не слышно сарказма. – За целые рёбра и руки.

– Ишь, вежливый, – хмыкнул разбойник. – Ну ладно, живи тогда. Кто к нам с уважением, к тому мы с лаской.

Они заржали, а я вдруг только теперь напугалась по-настоящему. Это не игра. Они сейчас могут сделать со мной всё, что угодно. И отца здесь нет – никто меня не защитит. Стиснула зубы, чтобы скрыть дрожащий подбородок и молча смотрела, как они уходят прочь, действительно меня не тронув. Едва они скрылись из виду, я обессиленно падаю на траву и больно прикусываю костяшку указательного пальца, чтобы унять запоздалую истерику. Сегодня мне

повезло, но так не будет вечно. Путешествовать в одиночку страшно не только женщине, но и одинокому путнику.

Позволив себе немного побыть слабой девушкой, я заставляю себя встать – надо двигаться дальше. Идти босиком сложно – я всё же изнеженная барышня, а не крестьянский отпрыск. Ступни колют мелкие камушки, незаметные в мягкой пыли. Солнце напекло затылок. Пришлось прикрыть голову большим лопухом, в изобилии произрастающим в придорожной канаве. Всё больше хочется заплакать от усталости и иррациональной обиды: за что мне всё это? «Или вперед, или замуж», – напоминаю я себе, но задора хватает ненадолго – даже солнце не садится ещё, а силы кончаются. Очередной острый камушек под пяткой всё же выбивает слезы. Вспомнив все известные мне ругательства на трёх языках и придумав парочку новых, я оседаю на траву, обещая себе, что отдохну всего пять минуточек – пока не пройдет боль в пятке, но подняться уже не выходит. Измученные ноги ноют. Так я и засыпаю прямо на голой земле – в слезах и в обиде на саму себя.

Утром (очень ранним и холодным утром) показалось, что стало легче – во всяком случае, ноги болели чуть меньше. Но это был самообман. И вот теперь я сижу босая на обочине дороги, прислушиваясь к бурчанию в желудке, и мрачно размышляю о том, что ночевать под открытым небом мне не понравилось, а до ближайшей деревушки, судя по указателю, еще шесть вёрст. Немного – каких-то два часа ходьбы. Если бы ноги ходили. Ничего – часик отдохну и пойду дальше. Авось к ночи доползу до людей и возьмусь за какую-нибудь работу.

Дважды мимо меня проносятся всадники, один раз – почтовая карета. Стало быть, я иду правильно. Дорога до деревни босиком совсем не быстрая. Некстати вспоминается, что под стельку сапога был вложен двойной империл. На него можно было купить несколько пар обуви. Обидно. Отчего же я такая дура? Отчего пустилась в дорогу одна, не дождавшись попутчиков? А ведь из этого может получиться неплохая книга! "Из Галлии в Славию: путеводитель для самых глупых!"

Идея настолько захватила меня, что я почти забыла о босых ногах и жаре. Из сладостных мечтаний меня выдернули шум и крики.

Глава 7. Почему шест?

Ба, знакомые лица! Да это те самые удалыцы, что отжали у беззащитного отрока деньги и сапоги! Вот уж не думала, что удастся с ними встретиться вновь! На этот раз они теснили двоих мужчин, один из которых был явно ранен. Дорога здесь вплотную подходила к славной берёзовой рощице, возле которой приветливо журчал ручей. К кустам привязаны две лошади, мирно горит костёр. Очевидно, путники отдыхали, когда их приметили отморозки. Осмотревшись, я выбрала ровную молодую берёзку и с некоторым трудом сломала её. Теперь у меня имелся шест подходящего размера, хоть и неидеально сбалансированный.

Повертела своё оружие в руках – сойдёт. Против сестры Марии я бы не устояла. Подкрасться и двинуть по шее одному из разбойников – легко. Не ожидавший нападения мужик рухнул как подкошенный. Я тут же ткнула второго под дых – одним движением, и ещё одного стукнула по коленям. Четвёртый начал размахивать в мою сторону рапирой, но моё оружие было длиннее, и драться честно я не пыталась – увернулась от неумелого замаха, привычно подпрыгнула и ткнула остриём шеста в лицо. Оставшихся быстро уложил блондин в довольно богатом наряде. У него в руках был только короткий меч, в то время как нападавшие орудовали, хоть и довольно неумело, длинными пиками и старыми ржавыми алебардами. Я их еще со вчерашнего дня запомнила. Вроде дрянь, а не оружие, но когда на тебя восемь таких наставят, поневоле призадуматься. Ну ладно я, девка и с пустыми руками, ничего противопоставить не могла, а два здоровых вооружённых мужика как могли в такой ситуации оказаться? Один и вовсе сидит на земле и мотает головой. Хотела полюбопытствовать, что с ним, но на одном из бандитов увидела свои сапоги.

– А, скотина! – взвыла я. – Как хоть натянул! Вот тварь, такие сапоги испортил! На заказ ведь шитые!

Стянула со слабо стонущего гада свою обувку: разумеется, после него я их не надену. Но стельку оторвала и из каждого сапога вытащила свои монеты. Отлично! Новые сапоги куплю в ближайшем населённом пункте. Жаль, таких удобных не найти.

– Слышь, пацан, – окликнул меня блондин. – Благодарствую! Ты вовремя подоспел.

Я закончила обыскивать поверженного врага – выгрэбла у него все деньги и стянула с пальца серебряное кольцо, и только потом оглянулась. И едва удержала на месте свою челюсть. Мужчина был красив нетипичной для Галлии красотой. Во-первых, он настоящий блондин. Пшеничного цвета волосы взъерошены, но видно, что подстрижен он не абы как, а у хорошего цирюльника, да к тому же чисто выбрит. Брови и ресницы тёмные, но не чёрные. Серые глаза смотрят спокойно и тепло. Во-вторых, он не оборотень, а обычный человек. Хотя ростом и разворотом плеч с любым оборотнем поспорить может, но двигается совершенно по-другому.

Мужчина протянул мне руку.

– Я Дамир Ольхов, – представился он спокойно.

– Степан, – кивнула я. – Извините, не по чину мне с вами ручкаться. Вы большой человек, а я простой горожанин. И вообще... не стоит благодарностей. Эти пташки у меня вчера все деньги и вещи отобрали. Подорожную мою порвали... гады.

– Отчего же ты считаешь, что не по чину? – остро взглянул на меня Дамир.

– Одеты вы как кнес, – пожалала я плечами. – И кольцо у вас... богатое.

Мужчина растерянно поглядел на свою руку и быстро повернул перстень камнем внутрь.

– И бриться привыкли, – добила его я. – А нынче только столичные кнесы да чиновники бреются.

– Наблюдательный, – покачал головой Дамир. – Шустрый. Драться умеешь. А не засланец ли ты, Стёпа? Не в сговоре ли с этими?

Он небрежно пнул одного из бандитов носком сапога.

– Ну извиняйте, мои документы эти господа в клочья изорвали, – развела руками я. – Либо верьте, либо я дальше пойду ножками.

Дамир повел плечами, будто сбрасывал напряжение и вдруг зашипел, схватившись за левое плечо. Рубашка у него была в крови. Я перевела взгляд на его спутника: выглядел он неважно, был очень бледен и держался за живот.

– Что с ним? Ранен?

– Сожрал что-то не то... надеюсь. Я не целитель, я не разбираюсь.

– До ближайшей деревни верст шесть, – намекнула я. – Не доехал?

– Не смог. Падал.

– Ясно. А с рукой что?

– А ты точно горожанин, Стёпа? Ведешь себя слишком нагло для своих лет.

– Нет, я переодетый Кирьян Браенг, – ухмыльнулась я. – Не похож разве? Вы у них оружие видели? Там ржавчины больше, чем металла. Рану надо промыть.

Отчего-то блондин напрягся еще больше – шутка явно вышла не смешная. Плевать, мне точно было весело. Кажется, у меня истерика. Главное, не разреветься. Или не заржать в голос. Кажется, Дамир что-то разглядел в моих безумных глазах, потому что вдруг улыбнулся.

– Первый бой, малыш? Накрыло?

– Я вам не малыш, а Степан Кириллович, – хмуро ответила я. – Да, первый. Руки трясутся...

– Иди посиди на травке, а я с этими молодцами разберусь.

– Убьёте? – я надеялась, что мой голос не дрожал.

– Вот ещё, пачкаться об них. Обыщу и свяжу. Потом решим, что дальше делать.

Я на подгибающихся ногах добрела до мирно потрескивающего костерка и плюхнулась на брёвнышко, пряча лицо в ладони. Четверо. Я уложила четверых. Сестра Мария мною бы гордилась.

– Выпей, – мне в руки ткнулась кожаная фляга. – Поможет.

– Я еще не дорос до крепких напитков, – буркнула я. – А хотя...

Я вырвала у Дамира, понюхала – в нос резко шибануло алкоголем.

– Собогаиозвольте показать мне рану на плече, – попросила я. – Кровищи натекло – хоть рукав выжимай. Вы же сами понимаете...

Скомандовала бы – но это роль Стефы. Степан вежливо просит. Будь я сейчас женщиной – вела бы себя куда более дерзко.

Дамир тяжело вздохнул и попытался стянуть через голову рубаху, но левая рука отказалась слушаться. Похоже, рана куда серьезнее, чем мне показалось. Поняв, что рука не поднимается, он просто оторвал рукав. Я щедро плеснула на его плечо вином – или что там у него было в фляге – и присвистнула. Порез чистый, но очень глубокий. Такие сами собой не зарастают.

– Надо зашивать, – сглотнув, сообщила я.

– У Талли в мешке есть иголка и нитки, – мотнул головой Дамир. – Вперед, мальчик.

– Я... не умею.

– А я не достану, – спокойно ответил мужчина. – От Талли тем более толку нет.

Я закрыла глаза, вознесла про себя молитву Пресветлой Матери – монастырские привычки не желали исчезать – и, покопавшись в мешке, извлекла большую иглу и катушку суровых ниток.

"Мне этот мужчина никто, – повторяла я про себя, отгрызая зубами кусок нитки и засовывая его в фляжку. – Его боль – не моя боль."

Пропитав нить вином, я вдела её в иголку и примерилась. Не выдержав, хлебнула из фляги, закашлялась, и, пока в груди разливался огонь, воткнула иголку в живую плоть. Разумеется, я умела шить, штопать и вышивать. Наложить ровный шов оказалось не так уж и сложно, особенно если учесть, что мой пациент сидел ровно и не издавал никаких звуков, только еле

слышно задерживал дыхание. Завязав узел на нитке, я аккуратно убрала иголку, щедро полила рану из фляги и нагло выпила остатки браги. После этого я позволила себе застучать зубами и утереть злые слёзы.

– Степан, ты молодец, – похвалил меня Дамир. – Для твоего возраста справился великолепно.

– Какого моего возраста? – обхватила себя руками я, сжавшись в комочек. – Мне шестнадцать. Я взрослый.

– Я думал, что меньше, – удивился блондин. – Все равно... молодец. Мужик.

Добрые слова меня приободрили, я действительно почувствовала себя героиней. Вот так всегда – не выношу, когда меня ругают, а от похвал просто расцветаю. Монахини это быстро поняли и вили из меня веревки.

– Стёп, – вкрадчиво начал Дамир. – А ведь в деревню тебе придется ехать.

– С чего бы это?

– Талли не ездок, и бросить тебя с ним и разбойниками – слишком жестоко. А помощь привести нужно.

– А что я с этого буду иметь? – на всякий случай уточнила я.

– Чистую совесть, – не задумываясь, ответил мужчина.

– Ловко придумали, – обрадовалась я. – А если я просто свалю с вашей лошады?

– А я тебя из-под земли достану, – пообещал Дамир. – Правду говорю. Да и ты не такой.

– Больно вы знаете, какой я, – ворчала я, седлая лошадь.

Найдёт он. Если уж я от отца удрать смогла, от тебя и подавно уйду. Как в детской сказке про пряник: и от рыси ушёл, и от волка ушёл, да... Выпитый алкоголь будил во мне совершенно безумную Стефу. Я уже испытывала это состояние однажды. Жаль, что покрасоваться было не перед кем. И борделя в деревушке, к которой я приближалась, тоже не было. А то я б заглянула.

– Эй, человек, – окликнула я бородатого мужика. – Кто у вас тут главный? Там на дороге на кнеса разбойники напали, ранили. Помощь нужна. Лекарь и повозка.

– Лекаря у нас нет, – развел руками мужик. – Надо в город посылать. А повозка будет, уважаемый. Сей момент, старосту кликну.

– За лекарем пусть кто-то немедленно выедет, – скомандовала я. – А пока... хоть кто-нибудь есть? Знахарка? Коновал? Да хотя бы повитуха?

– Знахарка имеется, – кивнул человек, не двигаясь, впрочем, с места.

– Живо! – громким голосом крикнула я. – Кнес за всё платит золотом! Вот за телегу и лекаря задаток.

Показала ему двойной империал. Очевидно, тут хорошо знали его ценность: ещё бы, за такую монету менялы двадцать златых дадут. На эти деньги можно целый трактир купить. Ну хотя бы половину... Сразу и забегали: телегу с сеном пригнали, мальчишку за лекарем отправили, знахарка прибежала. С мужиками я не поехала – что мне там делать? Помощи от меня немного. Отправилась на постоялый двор (всё же деревня вдоль дороги, как без него), сняла две лучших комнаты и заказала себе еды. Никакой империал я, разумеется, отдавать не собиралась. Не хватало ещё за господина Ольхова расплачиваться. И вообще ни за что платить не стала: Дамир Всеславович мне теперь по гроб жизни должен.

Глава 8. Неожиданное предложение

Светловолосый кнес со своим помощником прибыли, когда уже стемнело. Я успела и наесться до отвала, и помыться, и по деревне пройти. На ногах у меня, между прочим, новые ботинки, на плечах потертая кожаная куртка. Пояс тоже новый, широкий, с металлическими клепками. А меч мне не продали: сказали "не дорос". То есть путешествовать в одиночку – это пожалуйста. А защищаться – еще зачем? Глупости выдумал, господин Градов!

Усталый, бледный, с отросшей щетиной, Дамир всё равно остался самым красивым из всех мужчин, что я видела. Он тяжело прошёл в столовый зал постоянного двора, упал рядом со мной на лавку и нагло утащил у меня огромную деревянную чашку. Отхлебнул и принялся плевать: в кружке-то было молоко!

– Стёпа, ты болван, – заявил Дамир. – Эй, человек! Пива мне и юноше!

– Юноше не надо! – махнула рукой я. – Юноша еще не дорос. Что с вашим другом?

– Секретарём. Талли мой секретарь. Был. Должность вакантна.

– Умер что ли? – напугалась я.

– Типун тебе на язык! В животе какое-то воспаление. Знахарка купировала, но без хорошего лекаря Талли помрет через пару дней.

– Я отправил в город за целителем, – сообщила я. – Но за ваш счёт.

Дамир хлопнул меня по спине ладонью, отчего я чуть не улетела носом в стол.

– Экономность – хорошее качество, даже лучше, чем предусмотрительность. Если ты ещё и писать умеешь – возьму тебя секретарём!

– Я как бы два года в Галлии учился, – пожалала я плечами. – В Льенском университете. Там же с четырнадцати можно лекции посещать. Писать я умею, в общем. И читать тоже.

– А родители твои кто?

– Сирота я. Отца не знал никогда, а мать умерла недавно. Как перестала деньги на обучение высылать, так я домой и поехал. Понял, что что-то случилось.

– А жил где? – беседа начала походить на допрос, но я не возражала.

– У кнеса Градского в волости. Знаете, деревня Дубки возле реки Коровки.

– Не знаю, – вздохнул Дамир. – Кнеса Градского знаю только. Высокий такой старик, худой.

– Ага, как же, – не повелась на провокацию я. – Высокий и худой – это Василевский. А наш кнес дородный и борода лопатой.

Ай да Стефа, ай да молодец! Внимательно слушала тетю Милославу и её рассказ о последнем визите на родину, теперь и пригодилось.

– Да, точно, – не смутился мой собеседник. – Я перепутал. А напомни, как жену и дочку Радомира зовут?

– Мстислава, – хихикнула я. – Линд его жена. А дочка старшая Милослава, что в Галлии замуж вышла, вторая Святослава, за князем Волчеком, а сынок егонный Ярославом зовётся.

Спрашивай-спрашивай. Про родню свою я всё знаю.

– Ярослав-то, поди, тоже уже читать умеет? – не унимался Дамир.

– И то сказать, уж парню почти четверть века стукнуло, – согласилась я. – Должно быть, и умеет. Хотя кто его, кнесича, знает... не нашего ума дело.

От острого взгляда блондина я поёжилась. Казалось, он пытается залезть ко мне в мысли.

– Слушайте, что вы меня пытаете! – не удержалась я. – Я к вам в секретари не набиваюсь, вы сами предложили! Я вас вообще знать не знаю. Может, вы какой-нибудь наёмный убийца!

– Не убийца, не бойся, – вздохнул Дамир. – А может и убийца, да не наёмный. Мне верный человек нужен, Стёпа. За верность я плачу щедро.

– Щедро – это сколько?

– Десять серебряшек в месяц.

– Пятнадцать.

Дамир поперхнулся пивом, удивлённо уставившись на меня.

– Ну ты и наглец!

– А вам нужен секретарь или лакей? – усмехнулась я.

– Одиннадцать.

– Тринадцать.

– Двенадцать!

– Я согласен.

Широко улыбаясь, мы пожали друг другу руки.

– Я вам комнату снял, – вспомнила я. – Кстати, как вас величать?

– Дамир Всеславович Ольхов.

Я замерла, охваченная внезапным подозрением. Да нет, быть того не может! Или может?

У меня ведь тоже имя, максимально похожее на родное.

– Кнес? – небрежно спросила я. – Ну, вы ведь кнес?

– Кнес, но безземельный пока. А почему ты так посмотрел?

– Ольхов – это почти как Ольшинский, – передернула я плечами. – А нынче государь у нас из рода Ольшинских.

– Степ, мне нужен не только умный секретарь, но и молчаливый, – тяжело взглянул на меня блондин. – Думать не возбраняется, но тогда дашь клятву.

– Я и подумаю, – сглотнула я. – До утра. Можно?

– Думай, Стёпа. И помни: я своих людей в обиду не даю, а за верную службу отвечу благодарностью. Кто мне верен, тому и я верен.

Я кивнула, бочком выбираясь из-за стола. Сердце колотилось как бешеное. Дамир – или Даромир? Кто ты такой? Эх, найти бы Викторию и узнать, каков из себя старший сын государя – мой наречённый муж. Не бывает таких совпадений, просто не бывает! Либо я ошибаюсь, либо богине угодно нас лбами столкнуть. Моего сиятельного жениха зовут Даромир Велеславович Ольшинский. И настолько имя его схоже с именем моего блондина, что я сомневаюсь, не снится ли мне всё это.

К утру решение было принято: я отвечу кнесу Ольхову согласием. Какая в сущности разница, кто он, если рядом с ним спокойно и безопасно? Путешествие в одиночку мне не слишком понравилось, да к тому же я всё равно собиралась искать работу, а тут работа нашла меня. А если я не ошибаюсь – это вообще будет чрезвычайно забавно. И отцу, наверное, даже в голову не придёт искать меня рядом с тем, от кого я так старательно убегала. Словом, назревает приключение вполне в моём духе.

Уверенно я постучалась в комнату по соседству. Кнес Ольхов встал явно раньше меня, а может и вовсе не ложился. Он сидел за столом, красными воспалёнными глазами вглядываясь в какие-то бумаги. Светлые волосы всклокочены, на щеках неряшливая щетина, несвежая рубашка расстёгнута на груди. Бумаг было много, он раскладывал их в три стопки, шевеля губами.

– Ну что застыл, проходи, – бросил он мне. – Раз не сбежал, значит, надумал? Задавай свои вопросы!

Я прошла в комнату, чуть морщась от крепкого запаха мужского пота и села рядом со столом на стул.

– Кто вы? – прямо спросила я. – Для кнеса вы слишком молоды и свободны. Для горожанина слишком богаты. На купца не похожи...

– А ты как считаешь? – приподнял брови Дамир.

– Чиновник, – не задумываясь, ответила я. – Приближённый к государю, исполняющий разные поручения, часто инкогнито. Оттого и ездите быстро и без свиты.

Дамир присвистнул удивлённо, а затем толкнул в мою сторону лист бумаги и чернильницу с пером.

– Пиши, умник. Я, Степан батькович таков-то, приношу клятву верности и неразглашения Дамиру Всеславовичу кнесу Ольхову...

– Сиятельному кнесу, – поправила его я. – Ну правда! Вы ведь сиятельный?

Блондин витиевато выругался.

– Стёп, кончай умничать. Я уже тебя полюбил как младшего брата, тем более, что мой младшенький значительно тупее, но ещё одно слово, и я буду вынужден отправить тебя в камеру, как слишком догадливого. Пиши "сиятельного кнеса", но на этом всё.

Я кивнула, быстро записывая "под диктовку" стандартную клятву о неразглашении. Формулировку я знала наизусть – мы такие вещи проходили на уроках магии. Причём разбирали очень тщательно, чтобы понимать, чем всё это грозит. Поэтому я прекрасно знала, что упомянутые в бумаге имена не играют особой роли. Формально, конечно, на данный момент я присягала Дамиру как Степан. Как Стефания я вроде как никому не буду ничего должна. Но кровь-то приложится моя, а не чья-то. А с другой стороны я внесла поправку, что клятва действительна лишь в период моей службы – не всю жизнь, как, наверное, хотел бы Дамир Всеславович.

Блондин выхватил у меня бумагу, заглянул в неё, усмехнулся и размашисто подписал. Потом он ловко порезал палец лежащим на столе ножом для бумаг, капнул кровью на лист с клятвой и передал нож мне. Я сплотнула: перспектива членовредительства меня пугала. Я вообще боли боюсь. Да и нож доверия не внушал. На всякий случай протерла его рукавом, потом отполировала салфеткой. Зажмурилась, закусил губу и осторожно ткнула острием в подушечку большого пальца. Разумеется, ничего не произошло. Открыла один глаз, робко взглянула на Дамира.

Он спокойно вынул из моих пальцев нож и неуловимым движением проткнул мне средний палец. На плотный желтоватый лист бумаги капнула алая капля крови: красиво. Новый работодатель никак не прокомментировал мою позорную слабость, просто посмотрел на лист бумаги строго, и он вспыхнул, съёживаясь в чёрный комок. Огневик. А в роду Ольшинских всегда огневика рождались.

– У тебя красивый почерк и пишешь без ошибок, – мягко похвалил меня Дамир. – Теперь я вижу, что мне тебя богиня послала. Сейчас на пару писем ответишь, и я спать. Не ложился ещё.

– Я насчёт бани распорядюсь, – кивнула я. – И рубашку вашу зашить нужно.

Глаза кнеса удивленно расширились.

– Ты нянька или секретарь?

– А есть разница? – вскинула я брови. – Кто-то же должен сказать, что Вы воняете как конь! Секретарь – это ваша правая рука, между прочим. Я, кстати, тиран и деспот, поэтому буду время от времени спускать вас на грешную землю.

– Высеку, – тяжело поглядел на меня Дамир. – Наглость свою умерь, заткнись и пиши: Уважаемый кнес Лисицин, вынужден отказать вам в поддержке, ибо не нахожу предоставленные Вами доказательства достаточно убедительными... успеваешь?

Через три четверти часа пальцы у меня онемели: кнес Ольхов диктовал быстро и много. Он будто экзаменовал меня на выносливость. В Славии всё ещё пишут перьями, хвала богине, что металлическими, а не гусиными. Меня учили писать пером с детства, уверяя, что так почерк будет изящнее. Но вообще я привыкла к чернильной ручке, которые производили в Галлии. У меня такая была в сумке. Кстати, сумку с дневниками и запасом вещей я предусмотрительно отправила почтой в Даньск, не желая потерять её в пути. Надо думать, она уже меня ожидает. Какая я молодец! Страшно представить, если бы мои дневники прочитал кто-то из разбойников. А потом Дамир вдруг замолчал. Я подняла глаза и увидела, что он просто уснул, уронив голову на сложенные руки. Что же мне делать? Бросить его так совершенно невыносимо:

я однажды заснула, переписывая книгу, и наутро не могла разогнуться. Спина и плечи болели со страшной силой. А ведь я его моложе: он, наверное, и вовсе встать не сможет. Или злой будет, как пёс.

Так и не смогла для себя решить, кто я – жалостливая баба или идеальный секретарь, но подлезла под руку мужчины, подхватила его за талию и доволокла до кровати. Тяжёлый он, просто боров какой-то. Подумав, и сапоги сняла: помнится, леди Милослава жаловалась, что когда её супруг лорд Оберлинг засыпал в обуви, наутро у него всегда болела голова. А мне нужен здоровый работодатель. Здоровые меньше придираются и лучше платят.

Глава 9. Издержки мужского костюма

Работодатель из Дамира Всеславовича вышел какой-то неправильный. Он относился ко мне скорее как к равному, чем как к слуге, и это льстило. Хотя, конечно, ему нужен был не столько секретарь, сколько мальчик на побегушках. В мои обязанности входило следить за корреспонденцией, писать ответы – когда под диктовку, а когда и самостоятельно, забирать письма из почтовых отделений, а также везде сопровождать Дамира Всеславовича, наблюдать и потом рассказывать о своих выводах. Должность у кнеса Ольхова называлась внушительно: государев финансовый инспектор. Чем-то мне это напоминало отца – он ведь глава службы безопасности Галлии, иными словами, Первый ловчий.

Мы всё же дождались, когда приедет целитель и займётся несчастным Талли, которому был теперь рекомендован полный покой на несколько недель и строгая диета, и только затем двинулись в Даньск с попутной купеческой подводой. Дамир всем растрепал, какой я великолепный боец, и мне пришлось пару раз продемонстрировать своё умение драться с шестом. Когда я поколотила третьего охранника с мечом, меня зауважали. Интересно, если бы они поняли, что я девушка – сильно бы расстроились?

Мужчиной быть в этом мире проще, чем женщиной. Можно громко разговаривать, смеяться, похабно шутить и храпеть, чем я всю дорогу и занималась. Единственное, что было нелегко – это то, что женщин в обозе не было, и мужчины не бегали в кусты, а справляли свои естественные надобности вдоль дороги. А я так не умею, поэтому все каждый раз смеялись, когда я бегала за деревья или в кусты. Впрочем, в Славии деревья почти везде, а где нет их – есть овраги и высокая трава. Так что и этот момент меня не слишком напрягал.

Здесь значительно теплее, чем в Галлии. К такой жаре я не привыкла – солнце палило с неба так сильно, что шляпа была необходима почти весь день. Шляпу-то я выторговала у одного из купцов, но под ней ужасно потела и чесалась голова. Да и несвежая рубашка для моей нежной кожи оказалась тем еще испытанием. Мужчины раздевались до пояса. Дамир Всеславович имел целый саквояж тончайших батистовых сорочек и был всегда свеж и бодр. Я отчаянно ему завидовала, но молчала, с нетерпением ожидая прибытия хоть в какую-нибудь деревушку. К моему ужасу, первую ночь мы провели в чистом поле. Здесь даже реки не было – только ручей, искупаться в котором было невозможно. Мне удалось за кустами прополоснуть рубашку, но надеть её пришлось мокрую – другой одежды у меня не было.

– Ты идиот? – вежливо поинтересовался Дамир, увидев дрожащую меня. – Ты зачем надел мокрую рубашку? Хочешь лишить меня ещё одного секретаря?

– В-воняет, – коротко ответила я.

– Ну и сядь голым, а рубашку над костром повесь. Тут одни мужики.

– Не, я так не могу.

С тяжёлым вздохом Ольхов пожертвовал мне одну из своих сорочек, в которой могли поместиться по меньшей мере два Степана Градова. Я не стала спорить, с благодарностью переодевшись в кустах.

Всё-таки он хороший человек, этот загадочный Дамир Всеславович. Добрый, кажется, хотя и на первый взгляд ядовитый, как поганка. Только отец мне всегда говорил не смотреть на то, что человек говорит, а подмечать, как он себя ведёт с тем, кто ниже по положению, с тем, кто слабже. Дамир вовсе не задибался перед купцами и их слугами. Он без возражений помогал таскать тюки и ходил за дровами, только сразу сказал, что готовить не умеет, но заплатит за еду для себя и секретаря. Со старшими обращался уважительно, со сверстниками шутил, словом – образцовый кнес. А за простолюдина принять его было невозможно: он даже ел не как все. Вроде и руками ломал мясо, и пил из ручья, но неторопливо и очень аккуратно. Совсем как я.

На вторую ночь остановились в большой деревне, и Дамир Всеславович немедля велел затопить баню. Позвал и меня, настаивал, но я сказала, что приду позже, а пока займусь своими делами.

– Гляди у меня, – сердито зыркнул кнес. – Не будешь мыться – насильно заставлю. Мне секретарь-неряха не нужен!

– Да буду, буду, – кивала я. – Только насчет ужина распорядюсь и одежды куплю. Мне же надо во что-то переодеться.

На самом деле я просто тянула время: мне нужно было, чтобы он ушел. Рубашку и чистые портки я купила сразу по приезду: у хозяина постоянного двора был сын-подросток, сложением похожий на меня. Когда хозяин сообщил, что Дамир Всеславович велел мне принести чистую рубаху и кваса, я обрадовалась: наконец-то он закончил! Бодро подхватила огромную деревянную кружку, влетела в заполненное паром помещение, даже не подумав о том, что он там может быть не одет, и замерла в ужасе.

Блондин был не один. Я вначале даже не поняла, что происходит и успела перепугаться, решив, что ему стало дурно от жары. Но женский стон вывел меня из ступора. Я увидела немного – белую полную спину, влажные прилипшие к ней чёрные волосы и загорелые мужские руки на округлых ягодицах – но и этого мне с лихвой хватило, чтобы залиться краской и зажмуриться.

– Стёпа, рубашку на лавке оставь, – хрипло пробормотал Дамир. Его дыхание сбивалось. – Кружку на стол. Чего стоишь как баран? Бабу голую ни разу не видел?

– Откуда мне? – с трудом выдавила я, отворачиваясь и мелкими шажками пробираясь к столу.

– Ты что, девственник? Серьёзно? – весело фыркнул мужчина. – Ганна, надо срочно исправить это дело!

– Н-не надо! – выкрикнула я и выскочила из бани.

Вслед мне донёсся хохот, а потом женский стон. Обхватив голову руками, я опустилась на крыльцо. О богиня, во что я вляпалась? Это даже постыднее, чем дом утех. Только вдруг мне подумалось, что зря я глаза закрывала. Надо было разглядывать внимательнее. Когда я еще голого мужчину увижу? Тем более, такого красивого, как Дамир. И не случилось вовсе ничего страшного: просто глупый мальчишка-секретарь не вовремя заглянул к своему господину. Бывает.

– Стёп, Ганна ждёт тебя, коли пожелаешь, – раздалось у меня над ухом.

Я подскочила от неожиданности.

– Спасибо, я так не хочу, – быстро выпалила заготовленную заранее фразу. – Подожду свою суженую.

– Ой, дурак, – тоскливо вздохнул Дамир, к счастью (или к сожалению) уже одетый. – Нашёл, чего ждать. А потом с женой будете в брачную ночь в гляделки играть, да? Что же ты с ней, неопытный, делать будешь?

– Да дело-то нехитрое, – пробормотала я, прикладывая ладони к пылающим щекам. – Теорию я знаю.

– И откуда? – заинтересовался мужчина. – Книжки читал или рассказал кто?

– Подглядывал, – огрызнулась я.

От прилетевшего подзатыльника увернуться не успела. Дамиру мой ответ явно не понравился.

– Слышь, Степан, – хмуро сказал он. – Ты не забывай, с кем разговариваешь. Я такого тона терпеть не намерен. Понял?

– Понял, – буркнула я, пряча глаза.

Легко сказать. Я еще даже не хамила, между прочим. Просто разговаривала как с ровней. Вот только ровней я ему не была, он сейчас куда выше меня по положению и к тому же старше.

Это Стефе много чего позволено, а пацану без рода и племени нужно кнесу в ножки кланяться и за милость благодарить.

К счастью, Дамир отходчивый. Посмотрел, что я голову повесила, хмыкнул только и ушёл. А я собрала в охапку чистые вещи и поплелась в баню, ругаясь сквозь зубы.

– Вон пошла, – надменно, словно неугодившей служанке, кинула толстощёкой бабе с черными волосами.

Настроение вконец испортилось. Отчего-то женщина послушно и быстро закивала и вылетела прочь, но это нисколько не радовало. Я молча разделась, быстро помылась в тазу, накинула свежую рубашку и постирала одежду. Ну как постирала: прополоскала с водой и мылом. Что такое стирка, я понятия не имела. У меня всю жизнь прислуга была, а вещи, которые нельзя было никому показывать, я просто сжигала в камине и покупала новые. Даже от простых действий нежные пальцы у меня покраснели и распухли. Мало мне проблем с ногами и мозолями от новых ботинок, теперь еще и руки болеть будут.

– Давай я тебя веником побью? – заглянул в баню Дамир.

– Спасибо, я уже закончил, – холодно ответила я. – Я не очень люблю баню.

– Я вижу, – хмыкнул мужчина. – Весь пар выпустил. Обиделся?

– На правду не обижаются.

– Стёпа, я же вижу, что ты знатного воспитания, – неожиданно сказал Дамир Всеславович. – Не знаю, что у тебя в жизни сломалось, но актёр из тебя не очень. Тебе надо гордость свою умерить, а иначе не от меня получишь, а от кого-то другого. Оно тебе надо?

– Нет у меня никакого воспитания, – смутилась я. – Просто манеры знаю да книжек много читал. Что вы, в самом деле, Дамир Всеславович!

– Ладно, ужинать иди, умник. Надо встать рано, чтобы завтра к вечеру уже в Даньске быть.

На постоялом дворе меня ждал сюрприз: заказывали и оплатили мы две комнаты, а выделили нам всего одну. Оказалось, пока мы были в бане, приехал какой-то важный кнес да еще и с супругой и со свитой – и хозяин нас потеснил. Я хотела орать и ругаться, но Дамир только рукой махнул. А от моей репутации и без того ошмётки остались, теперь ещё и спать в одной спальне с мужчиной! Более того, в одной кровати, хоть и большой!

Я знала, что на постоялых дворах девушек могут в такие кровати и по двое, и по трое уложить – и в этом нет ничего странного или неприличного. Спят ли мужчины на одной кровати, я понятия не имела, но решительно собрала свои пожитки и заявила, что ночевать теперь буду на сеновале или на конюшне.

– Да и хрен с тобой, – устало ответил блондин. – Тоже мне, аристократ выискался. Мальчики меня, Стёпа, не интересуют, за свою задницу можешь не переживать. А вот на конюшне всякий люд ночует. Хочешь приключений – вперёд! Одни проблемы с тобой. Бабы не так ломаются, как ты.

Я сначала не поняла, при чём здесь мальчики и задница, а потом густо покраснела. И ведь не маленький ребёнок, и скандал с лордом Стерлингом был – а о такой опасности даже ни разу не подумала. Вот что значит – папина дочка! Всегда чувствовала себя в безопасности! Теперь-то я ни за что не рискну ночевать одна! Дамир уже храпел вовсю, а я утатила на пол подушку и улеглась у стенки. Богиня, отец узнает – не поглядит, что я взрослая: выпорет. И правильно сделает. Но домой я всё равно не вернусь, ибо замужество – это даже хуже, чем разбойники, а пристрастия высшего света ничем не отличаются от нравов простолюдинов. Пожалуй, и хуже: многие из лордов до того пресыщены, что ищут странных и опасных развлечений. Неизвестно ещё, что потребует от меня муж. Я даже приподнялась и поглядела на храпящего мужчину. Неужели это он – тот, с кем я приносила клятвы в храме? Что бы захотел Дамир? Вспомнив сцену в бане, я вновь залилась краской. Будь у меня такой муж, я бы, наверное, не стала ему отказывать в супружеских утехах.

Глава 10. Серо-зеленый конверт

Судя по тому, что в Даньске Дамир снял целые апартаменты, включающие в себя роскошную спальню, кабинет, гостиную, отдельную уборную и спальню поменьше (явно для прислуги), задержимся мы здесь на значительное время. А почему бы и нет? Город большой, красивый, каменный. Мостовые брусчаткой выложены, фонари везде горят, водопровод опять же имеется. Сумки мои почта доставила в сохранности, и теперь я не просто секретарь, а секретарь с имуществом. Накупила себе красивых батистовых рубашек с жабо, жилетов расшитых – мода на них из Франкии пришла – да обувь приличную у сапожника заказала. А то обычные готовые ботинки мне широки, приходится под них носки надевать потолще. Я-то даже в монастыре шелковые и кружевные чулочки носила, а в мужские сапоги только толстые шерстяные носки могла надевать. А летом, да две пары носить – это вовсе убийство. Хорошо, что на телеге можно было босиком ехать. А в городе по булыжной мостовой с голыми пятками никак нельзя. Если бы сейчас мне время вспять поворотить – я б того разбойника, который мои великолепные сапоги изуродовал, забила бы до полусмерти. Возможно, даже сапогом.

У меня много работы: для Дамира пришло просто невероятное количество корреспонденции. Столько даже отцу не приходило, а ведь я отцу нередко помогала отвечать на письма. Стол в кабинете просто завален, бумаги падают на пол от неловкого движения.

– Твою мать, – тоскливо произнёс кнес Ольхов, вороша конверты, будто тесто. – Сдохнуть можно.

– Сдохнем вместе! – радостно предложила я. – У вас есть какая-то система?

– А как же! – ухмыльнулся Ольхов. – Предлагаю всё сжечь! Шутка. Давай по содержанию: всё, что неважно – в одну стопку. Всё, что от сиятельных или помеченных вот таким знаком (он нарисовал на каком-то конверте непонятную закорючку) ты не читаешь, сразу мне. Остальное в третью.

– А с корреспонденцией из Галлии что делать? – скрипуче спросила я, кончиками пальцев, будто опасное насекомое, извлекая из кучки конверт столь любимого отцом серо-зелёного оттенка. – Я думаю, мне его не стоит вскрывать?

Письмо это будто жгло мне руку. Во рту пересохло, колени затряслись – благо, под столом не видно. Дамир схватил конверт, быстро распечатал его, пробежался глазами и грязно выругался. Настолько красочно, что я немедленно захотела записать все эти выражения.

– Мне страшно представить, что там может быть написано, – прошептала я. – Войну, что ли, нам Галлия объявляет?

– Хуже, – мрачно ответил Дамир, зло швыряя письмо на стол. – На, почитай.

Я вытаращила глаза, но письмо взяла, хоть и с некоторой опаской. Твёрдый почерк с завитушками я узнала сразу. Отец всегда пишет вот так, будто несерьёзно. Но я-то знаю, что чем затейливее и красивее написано, тем больше усилий ему потребовалось, чтобы сформулировать мысль.

"Любезный кнес, – вслух зачла я. – Сообщаю Вам, что известная особа ожидает только Вашего приглашения. Дочери моей месяц как исполнилось восемнадцать лет, так что, не видя причин для откладывания церемонии, я прошу Вас назначить дату бракосочетания. Полагаю, по славским обычаям нам стоит прибыть в начале осени, но если пожелаете – мы приедем и раньше. Прошу известить меня о ваших дальнейших планах. Со всем уважением, Ваши будущий родственник, К.Б."

Надо признать, это письмо вызвало у меня ужас ничуть не меньший, чем у Дамира. Значит, он всё-таки Даромир. Значит, наречённый супруг. А отец – наглец! Где он собирается брать невесту?

– Бракосочетание? – тихо спросила я, радуясь, что голос не дрожит. – Неужели это так страшно?

– Разумеется! – хлопнул ладонью по столу мой, стало быть, муж. – Это же конец всему! На кой бес мне вообще жена, ты сам посуди? Это ж никаких больше женщин, кроме супруги!

– И что вас остановит? – приподняла брови я. – Неужели планируете хранить верность?

– Кирьян Браенг меня остановит, – печально вздохнул Дамир. – Этот демон мне яйца оторвёт, если его единственная доченька будет несчастна.

– Тот самый Браенг?

– Ай, Степан! Ты не слышал этого имени, понял?

– Чего непонятного-то? А хотите совет?

– Хочу, – пристально взглянул на меня Дамир, или, точнее, Даромир.

– По галлийским законом девица несовершеннолетняя. Это в Славии совершеннолетие в восемнадцать. А в Галлии в двадцать. Во Франкии, кстати, в шестнадцать.

– Стёпа! – заорал блондин радостно. – Да ты гений! Как изящно! Как ловко! Два года свободы! Давай пиши!

– Кто, я?

– А кто у меня секретарь? Пиши: дорогой друг, мне кажется, разговор о немедленной свадьбе заводить преждевременно. Смею ли я лишить вашу дочь последних годов отрочества? По законам Галлии она ещё дитя. Я настаиваю на отсрочке бракосочетания до момента совершеннолетия девушки. Искренне ваш, эээ... подпишу я сам.

– А девушку как зовут? – полюбопытствовала я.

– А бес её знает, – пожал плечами Дамир. – То ли Виолетта, то ли Эстелла.

– Прекрасно, – пробурчала я. – Вы – образцовый жених.

– Стёп, это навязанный брак. Можно сказать, политический.

– Династический, ага.

Блондин тяжело посмотрел на меня, и я тут же одной рукой зажала рот, а другой замахала, чтобы продолжал. Но Даромир замолчал, опустив голову, а потом спокойно взял у меня письмо, подписал, свернул и запечатал. Я с тревогой поглядела на него. Опять я веду себя как Стефа! Знал бы он правду, ни за что бы не захотел такую жену, как я!

Я придвинула к себе письма и принялась вскрывать конверты и озадаченно хмуриться. Содержимое меня напрягало: жалобы, доносы, разные предложения – и отчего-то сведения по лошадиным фермам и закупкам овса. Меня не оставляло ощущение, что мой хозяин – тот же самый Кирьян Браенг. Что же это, папочка подобрал мне мужа по своему образу и подобию?

То, что отец знал моего супруга лучше, чем кто-либо другой, я догадывалась. Кирьян Браенг явно собрал на Даромира Ольшинского самое подробное досье, вплоть до сведений, какое у него было первое слово и чем он болел в детстве. Впервые я вдруг задумалась о том, что ни разу отец не сделал ничего, что не послужило бы мне на пользу. Бывало, я ссорилась с ним, а он наказывал меня за проступки, но всегда его наказание оборачивалось для меня уроком. И даже монастырь и его строгие уставы оказались для меня несомненным благом, потому что я в своей глупости слишком рисковала не только репутацией, но и жизнью. Неужели и жениха он подбирал по тому же принципу? Да нет, бред. Когда нас сосватали, мне было лет семь. Тогда еще было совершенно неясно, кто вырастет из высокого худенького мальчишка. Я ведь почти его не помнила – и не удивительно. Меня в те дни гораздо больше интересовали занятия магией. Подумаешь, жених! Всё это казалось нереальным.

Зато сейчас мой кошмар во плоти сидел напротив меня и, хмурясь и почёсывая переносицу, быстро сортировал письма. Конверты, будто карты, мелькали в его руках, то ложась на стол веером, то выстраиваясь в идеально ровную стопочку. Позёр! Некоторые письма он распечатывал, внимательно изучал и сжигал на месте. Некоторые сжигал не читая. И всё равно

бумаг было много – а ведь вторая и третья стопка требовали ответа! Наконец Дамир Всеславович откинулся на спинку стула, потянулся и заявил:

– На сегодня хватит! Письмо в Галлию отправь сейчас же дипломатической. Остальное успеется.

Я кивнула, разглаживая пальцами конверт с едва заметными водяными знаками и уже почти готовясь написать адрес, который Степан Градов просто никак не мог знать. Вот так, Стефа, на таких мелочах и прокалываются шпионы!

– Конверт подписать надо, – тихо напомнила я блондину. – Наверное, как-то условно?

– Да, я подпишу, – рассеянно сказал Дамир. – Стёпа, письмо отнесёшь и до вечера свободен. Меня не ищи, я ночевать в другом месте буду.

Почему-то это кольнуло меня, словно я имела на него какие-то права. Впрочем, имела, конечно, но очень смутные. Пока на ладонях нет брачных меток, ни одна женщина не потребует от мужчины верности. Впрочем, в высшем свете вообще всё очень зыбко. Браки по любви случаются редко, в основном – политика. А любовь... Вот у родителей, как я знала, была любовь. Не ровня сын захудалого, отверженного, практически вычеркнутого из всех списков рода единственной королевской дочери. И пусть он хоть трижды герой, пусть лучший Охотник ловчей службы, пусть ловкий политик – но я всё равно не понимала, каким образом ему дозволили совершить такое святотатство. Особенно если учесть, что не так уж и давно наш предок был замешан в государственной измене и подготовке восстания. К чести её высочества, об этом факте она при ссорах ни разу не упоминала. Зато о том, что ради какого-то Браенга (не какого-то, а последнего – поправлял отец) принцесса отказалась от брака с франкским монархом, матушка вспоминала нередко.

Я очень боялась, что в моей жизни будет похожая ситуация: супруг потребует от меня безупречного поведения, посещения всяческих приёмов и будет следить за каждым моим шагом. Но оказалось, что Дамир боится ровно того же, и я не могла не улыбаться, спеша в почтовое отделение.

В Славии простые и понятные города. Рядом с почтой – полицейский участок. Рядом с полицейским участком кофейня. Я заглянула: народу полно. Наверное, кофе здесь хороший. Потом приду, когда потише будет. По широкому бульвару цокают и скрипят пролётки с откинутым по летнему времени верхом. Выглядят они заманчиво – тем более, что тяжелые мужские ботинки начали немилосердно натирать ноги, и дорога из почтового отделения уже не кажется короткой. За что же мне такое наказание? Я с тоской во взгляде прикинула к витрине женской обуви: ах, какие туфельки! Атласные, на маленьком каблучке, с серебряной пряжкой. Но я ж мужик. Мне теперь долго без туфель жить.

Зато я могу ходить по улице в одиночку и даже без шляпы, и на мои голые лодыжки никто не заглядывается. Ничто не мешает мне взять извозчика пусть и всего на два квартала – а для дамы это было бы решительно невозможно. Только кухарки и прачки ходят по улице спокойно, а женщину благородных кровей должен непременно кто-то сопровождать. Но обычная горожанка не позволит себе проехаться в пролетке, да и куда ей ездить? Разве что на рынок. В театре или вернисаже на одинокую женщину будут смотреть косо, а просто гулять по улице – да когда им?

В гостинице я с облегчением стаскиваю ботинки и бледнею: шерстяные носки пропитаны кровью. Только этого мне сейчас и не хватало! Как назло в дверь тарабанят:

– Стёпа, я уйду до утра. Если завтра до полудня не появлюсь... Что это у тебя с ногами? – если Дамир Всеславович повышает голос, то можно прятаться.

– Ботинки не по размеру, – пожалала плечами я. – Ничего серьёзного.

– У меня так у одного знакомого заражение крови случилось, – вкрадчиво произнёс блондин. – Хочешь ног лишиться?

– Нет, – замотала головой я.

– Стёпа, тебе деньги нужны? Попросить аванс не догадался, дурная голова?

– У меня есть деньги, – гордо ответила я. – И ботинки по ноге заказаны уже. Не извольте переживать.

Лицо Дамира расслабилось, он даже улыбнулся, пусть и криво.

– Я лекаря пришлю, – кивнул он. – И не вздумай сбежать куда-то. Сиди и жди. И ботинки свои выкинь немедленно. Хотя знаешь что...

Он взмахнул рукой, и моя единственная пара обуви вспыхнула жарким огнем.

– Эээ! – возмутилась я. – Что вы себе позволяете!

– Еще одно "э", – прищурился Дамир. – И я урежу тебе жалованье.

– Деспот, – пробурчала я, когда за ним закрылась дверь. – Сатрап.

– Минус серебрушка, – раздалось из-за двери.

Я насупилась и фыркнула.

– Минус две!

– За что?!

– Думаешь громко...

Теперь я не удержалась и захихикала. Что ж, раз у меня законный выходной, напишу-ка я пару заметок о том, как опасно в одиночку передвигаться по дорогам Славии.

Глава 11. Развлечения

Дамир действительно прислал мне врача – из-за такой ерунды, как сбитые ноги! Влас Демьянович, лысеющий невысокий мужчина средних лет, долго ворчал, что его отвлекают от работы ради всяких неразумных юнцов, но дело своё знал и не только подлатал ступни, но и выдал мне флакон с заживляющей мазью. Мы с ним как-то быстро нашли общий язык, а уж после того, как он докопался, что это я штопала рану на плече Дамира (лекарь оказался старым знакомым блондина), и вовсе принялся звать меня в ученики. Говорил, что рука лёгкая. Я ему объяснила, что не имею склонности к медицине, да и дар у меня совсем другой. Расстались мы совершенно довольные друг другом.

Жизнь начинала налаживаться. Новые туфли мне доставили к утру, и они оказались настолько удобными, что я не поленилась сбежать в мастерскую и лично поблагодарить сапожника, а заодно заказала ещё сапоги и запасные ботинки.

Я уже догадалась, что удобная обувь – это самая необходимая в моей работе вещь, ибо я была не столько секретарём, сколько адъютантом.

"Стёпа, отнеси записку в первый полицейский"

"Степан, сбегай в почтовое управление"

"Мальчик мой, вот эти документы очень аккуратно – градоправителю"

"Стёпа, принеси пожрать. Чего-чего – ну хоть булку с молоком. Быстрее, парень, а то я тебя сожру!"

Хотя стоит признать, сам Дамир Всеславович тоже был лёгок на подъём. С финансовой инспекцией он посетил все крупные лавки. Мы перетрясли учётные книги рынка, проинспектировали казну (адский труд, занявший больше недели), проверили документы налоговой службы. Дамир в своей работе, конечно, хорош – он видит подвох с первого взгляда. То ли он колдун, то ли просто – опыт. Склоняюсь к последнему, конечно. Но всё же его интуиция достойна восхищения. Если бы он ещё работал в полную силу – во всей Славии не осталось бы ни одного мошенника. Но кнес Ольхов предпочитал жить на широкую ногу: надирался в трактирах, кутил с весёлыми дамами (и где он находил их в таких количествах?), устраивал шикарные пирушки. Денег, похоже, у него куры не клевали. Его обожали и полицейские, и налоговики, и купцы во главе с градоуправителем, да и как можно не любить такого славного парня, который может угостить всё первое полицейское выпивкой и не гнушался побрататься с купцом первой гильдии? А то, что он при этом подписывал приказ об аресте господина Сметанова, который водил службу с местным судьёй и оттого выигрывал все тяжбы, так это работа такая. А я, привыкшая к урокам отца, замечала, что взгляд блондина во время очередной попойки не становился стеклянным, как у его собутыльников, а кубок нередко опустошался в ближайшую кадку с цветком.

Кнес Ольхов был страшным человеком, и я была счастлива, что нахожусь в его лагере. Были ли у него друзья? Возлюбленные? Доверенные лица, наконец? Понимала ли его хоть одна из тех красавиц, которым он легко и просто посылал наутро букеты цветов, а потом не узнавал на улице? Впрочем, и букеты выбирать быстро стало моей обязанностью. Это было, пожалуй, даже забавно, хотя время от времени царапало мне душу. Всё же он мой почти что супруг, а ведёт себя совершенно безнравственно. Главное, не влюбляться в него – слишком больно он может сделать. Он же женщин ни во что не ставит! Разве можно вот так:

– Стёпа, ты запомнил эту рыженькую актриску? Цветы ей пошли на свой вкус. И если будет меня искать – скажи, что я скончался.

– Она не актриска, – вздыхаю я. – Актриска была третьего дня. Рыженькая – вдова купца Ермилова, между прочим. Того самого, что парк выстроил и на богадельню денег дал.

– Зануда ты, Стёпа. Ну ладно, закажи еще купцу на могилку букет. Да гляди, не перепутай!

Я ж говорю, совершенно невыносимый человек! А букеты я всё же перепутала. Купцу на могилку положили роскошные лилии с запиской "Спасибо за волшебную ночь и прощай", а рыженькой лисичке доставили бордовые розы с траурной лентой. Этими розами Дамир Все-славович в тот же день получил по физиономии. Я хохотала до слёз, а потом забаррикадировалась в комнате вдвоём с местной кошкой и даже ужинать не вышла. Ибо страшно. А кошка в гостинице хорошая, толстая, хотя и дура.

У меня никогда животных не было. В Галлии любят собак, но в королевском дворце они живут на псарне, а принцессе там делать нечего. В детстве я ещё могла поиграть со щенками, но потом с людьми играть стало гораздо интереснее. Что мне те щенки, когда можно сбежать на улицу и поговорить там с чумазым мальчишкой?

У местной полосатой кошки не было имени, зато был пушистый хвост, шикарное мурчало и удивительная способность успокаивать. Я залезла в кровать прямо в одежде, затащила кошку себе на живот и начала размышлять, как объяснить отцу, что я передумала на счёт свадьбы. И дело даже не в том, что Дамир-Даромир хорош собой или по-настоящему мне нравится – нет. Из него выйдет прекрасный союзник для Галлии. Времена, когда нет войны – поистине благодатные, а такой человек, как Мир (или Дар – как я осмелюсь называть его хотя бы в мыслях) разбирается в экономике государства гораздо лучше, чем тот, кто сидит во дворце.

– Стёпа, я успокоился, – раздался ровный голос блондина из-за двери. – Можно войти? На самом деле это было очень смешно, но если ты продолжишь в таком духе, не я буду платить тебе, а ты мне.

Дамир, не дожидаясь позволения, с силой толкнул дверь. Не веря своим глазам я смотрела, как тяжёлый комод, которым я припёрла вход, довольно быстро отъехал прочь. Гм, а я чувствовала себя в безопасности! Впрочем, и сейчас чувствую, несмотря на то, что блондин глядит на меня (или на кошку?) каким-то непонятным, задумчивым взглядом.

– Это так мило, так по-домашнему, – ядовито заметил блондин, оглядывая меня. – Я даже подумал, что случайно вломился в будуар хозяйки гостиницы.

– С вас станется, – махнула я рукой снисходительно. – Ошиблись дверью, с кем не бывает! Не надо извинений, но хозяйская спальня в другом крыле. А если уж вам так нужно – в конце коридора комната Дарины.

Дамир вздрогнул. Горничная в гостинице была очень интересной девушкой. Миловидная, бойкая, яркая, она активно строила глазки моему хозяину. Девушка так часто что-то роняла к его ногам, а потом нагибалась или приседала, демонстрируя глубокое декольте, что кнес Ольхов теперь от неё шарахался, как от огня.

– Стёпа, ты козёл, и шутки у тебя козлиные, – заявил Дамир. – Но я тебе отомщу. Намекну Дашке, что ты у нас невинный юноша, и она влюбится в тебя.

– О, мой господин, пощадите, это слишком жестокая кара! Я бы встал на колени, но кошка мне мешает.

Блондин хмыкнул и почесал нос.

– На колени, Стёпа, я тебя ещё поставлю, в угол и на горюх.

Он быстро прошел в комнату и оседлал стул, опустив руки на спинку.

– Я ведь тебе говорил угомониться, мальчик, – мягко взглянул на меня он. – Ты ведёшь себя порой безобразно. Ты хулиган и разбойник, Степан. Не будь ты действительно лучшим секретарём, которые у меня только были, я бы давно выкинул тебя прочь.

– Как будто вы у нас образец добродетели, – хмуро выпрямилась я, спихивая с себя кошку.

– Стёпа, я взрослый мужчина и кнес. Я могу ответить за все свои проступки. Я даже откупиться могу. А ты всего лишь дерзкий мальчишка, к тому же несовершеннолетний. Я тебя

очень прошу – будь осторожен. Я-то закрою глаза на твои выходки, а кто-то другой всыплет тебе по первое число и будет в своём праве. Я не буду больше читать тебе нотаций, просто предупреждаю – есть ситуации, в которых даже я тебе не смогу помочь.

Он поднялся и ушел, а я хмуро кусала губы. Терпеть не могу, когда меня ругают, но еще больше – когда за дело. Отец тоже всегда так делал: не орал, не рычал, а просто объяснял мне, что могло случиться, если бы я попалась. Он неустанно мне напоминал, что не всегда сможет быть рядом и вытащить меня из очередного скандала. Я же только кивала, улыбалась и делала по-своему. Что ж, отца здесь нет. А Дамир... Дамир, может, и прав, но только ничего страшного я не делала. Подумаешь, букеты заменила! Не долговые же бумаги выкрала, как кнес Ольхов. Он-то сам, думая, что я не вижу, кое-какие расписки со стола градоправителя в карман сунул. Не учёл только, что в зеркале всё отражалось.

Я же не стала вопить во всё горло: вор! вор! Нет, я тактично не заметила. А он из-за какого-то дурацкого букета вспылел!

– Вот так, Кошка, и разбиваются мечты, – сказала я своей красивой и толстой спутнице, чеша её за ухом. – А я ведь за этого мелочного человечешку собиралась замуж выйти. Кто дура, я дура? Может и так.

Голод всё же заставил меня выйти из комнаты и осторожно спуститься вниз, в столовый зал. Я тихонько устроилась в уголке, заказала себе стакан молока и булку, и принялась слушать, что говорили вокруг. А тему они обсуждали преинтересную: несостоявшуюся дуэль кнеса Ольхова с Борисом Ермиловым. Оказывается, этот самый Борис был младшим братом покойного купца и, навестив могилу усопшего и обнаружив там легкомысленный букет с однозначной запиской, заподозрил, что кто-то поглумился над местом упокоения брата, а уж когда, пылая праведным гневом, примчался в его дом и обнаружил рыдающую вдову, сразу всё понял. Разумеется, это кнес Ольхов, известный своим скандальным поведением, во всём виноват!

Я втянула голову в плечи. Ой, мамочки! Не такого результата я ожидала.

– А дальше что? – спросила я замолчавшего рассказчика за соседним столом.

– А дальше, знамо дело, Ермилов сюда примчался бить морду Ольхову. Кажется, даже успел один раз ударить. А потом кнес его скрутил, что-то ему сказал и они пили вместе. Дамир, конечно, гусь! Всё понимаю, но букетики на могилу – это мерзко.

– А где сейчас Ермилов? – тихо поинтересовалась я.

– Где-где, Дамир его в кабаке утащил!

Я подскочила и побежала на улицу ловить пролетку. Конечно, уже поздний вечер, почти что и ночь, но стыд жег мне пятки.

Кнес Ольхов самым нежным образом любил в Даньске заведение под названием "Чайная роза". Чай там не подавали, роз тем более не выращивали, но трактир, а точнее даже ресторан, пользовался популярностью у приличных людей. Дамир нашёлся за столиком возле стены. С ним был молодой светловолосый мужчина с округлой бородой – по виду совершенный купец, вот только взгляд у него был острый, умный.

– Дамир Всеславович, – робко окликнула я "своего" блондина.

Он встрепенулся, отставляя стакан с прозрачной жидкостью, напрягся.

– Случилось что, Стёпа?

– Случилось, – кивнула я. – Господин Ермилов?

– Он самый, – милостиво взглянул на меня купец.

– Это я букет на могилу отнёс, – опустила я голову, пряча глаза и в волнении сжимая руки за спиной. – Пошутить хотел. Простите, не подумал. Идиот я. Если желаете, я готов понести наказание.

– Ну охренеть, – с чувством крикнул Ермилов. – А ты говорил, что посыльный перепутал. Он толкнул Дамира в плечо, раздвигая в улыбке красные губы.

– Стёпе шестнадцать, – устало ответил Ольхов, потирая лицо руками. – Я сам его выругал.

– За такие шутки розгами секут, – веско сказал купец. – Готов, парень?

– Заслужил, – кисло ответила я. – Готов.

Меня ни разу в жизни не били (пощёчины от матушки не в счёт), и я надеялась, что так будет всегда, но сейчас я понимала, что виновата.

Купец же только рассмеялся.

– Садись, пацан, – заявил он. – Пей. Прощаю дурака. Ты ж не со зла!

Я молча выдохнула и осторожно села на лавку. Поглядела жалобно на Дамира Всеславовича, пытаюсь извиниться взглядом. Он, кажется, понял и кивнул.

– Я рад, что ты сумел признать свою ошибку, – мягко похвалил он. – Но впредь не суйся в чужие дела, не спросив. На месте Бориса мог оказаться куда более мстительный человек. Я ведь тебя уже отмазал, а ты меня дураком и лжецом выставил.

Я отвернулась, скрывая дрожащие губы. Опять всё не так сделала!

– Выпьем, – разрушил напряженное молчание купец, наливая мне в стакан водки из прозрачного графина. – За истину!

Мне пришлось глотнуть эту мерзость, я поперхнулась, закашлялась: мужчины рассмеялись и захлопали меня по плечам с двух сторон. Больше я не пила. Терпеливо дождалась ночи, молча вернулась с кнесом Ольховым домой, столкнула с кровати кошку и завалилась спать, надеясь, что поутру противное чувство гадливости от самой себя рассеется как рассветный туман.

Глава 12. Падение... повязки

Проклятая кошка, возлюбившая меня всей душой, теперь не давала мне проходу, лапаясь и призывно мурлыча при виде меня. С одной стороны, это меня умиляло, но с другой – именно она послужила причиной моего очередного падения, бросившись мне в ноги аккуратно в тот момент, когда я только собиралась спуститься с высокой лестницы вниз, в столовую залу. Увы, устоять мне не удалось. Нелепо взмахнув руками, я кубарем полетела вниз, считая локтями и коленками ступеньки и добрым словом вспоминая сестру Марию, которая учила нас правильно падать. Полёт мой закончился плачевно: я лежала у подножия лестницы, едва сдерживая слёзы боли.

– Давай, Степан, вставай, – уговаривала я себя. – Ты же мужик.

По лестнице спустились быстрые длинные ноги и остановились подле моего лица.

– Встать сможешь? – полюбопытствовал мой хозяин. – Ничего не сломал?

Я подняла голову и неловко села, ощупывая себя руками. Кажется, всё в норме. Переломов нет. Синяков, конечно, будет много, но это не страшно. Ухватившись за протянутую руку, встала и взвыла, не в силах наступить на ногу, которую пронзила острая боль. Клянусь, я даже услышала треск рвущихся сухожилий!

– Стой ровно, – Дамир присел у моих ног и жёсткими цепкими пальцами ощупал мою щиколотку, заставляя меня шипеть сквозь зубы от боли. – Перелома нет. Растяжение. По лестнице тебе не подняться. Я отнесу.

– Чего? – вытаращила глаза я. – Вот еще выдумали! Дайте опереться на вас, и я допрыгаю.

– Мне некогда с тобой возиться, – буркнул блондин. – Дотащить быстрее. Пришлю тебе лекаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.